

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Сущность христианского учения об отношениях человека к ближним

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 12. С. 761-810.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу ¹⁾).

ВСѢ отношенія человѣка къ Богу, разсматриваемыя съ богооткровенной точки зрѣнія, опредѣляются самою исторіею жизни человѣчества, съ одной стороны, а съ другой отличительными особенностями Бога — Самого по Себѣ и — по скольку Онъ такъ или иначе проявляетъ Себя въ виду человѣка. Человѣкъ своимъ происхожденіемъ обязанъ Богу. Онъ зависитъ отъ Бога и во все время своей жизни. По милости Божіей же онъ можетъ наслѣдовать вѣчное спасеніе и т. д. Словомъ, по христіанскому ученію, человѣкъ всѣмъ обязанъ Богу. Богъ въ отношеніи къ человѣку является Творцомъ, Промыслителемъ, Спасителемъ, Искупителемъ... его. Самъ же по Себѣ Богъ — Существо всесовершенное, безусловно и безконечно возвышенное надъ міромъ вообще и надъ человѣкомъ въ частности. Все это — общеизвѣстныя положенія христіанства. Отсюда ясно прежде всего то, какой характеръ должны носить на себѣ всѣ отношенія человѣка къ Богу. Ясно, что всѣмъ обязанный безконечной благодати Божіей — человѣкъ будетъ всячески выражать къ Богу свою всецѣлую признательность, будетъ, — какъ у насъ принято выражаться, — «почитать» Его. Такъ называемымъ «*Богочитаніемъ*» всецѣло и исчерпываются всѣ отношенія человѣка къ Богу.

Что должно быть, такъ сказать, нервомъ Богочитанія, всепроникающимъ его элементомъ? Родители, давшіе намъ,

¹⁾ Сравни. 1-е примѣч. къ нашей статьѣ: «Къ вопросу о нормальныхъ условіяхъ жизни христіанской семьи» («Христ. Чт.», 1898 г., апрѣль).

по благословенію Божію, тѣлесную жизнь, заботящіеся о насъ неусыпно, доставляющіе намъ все необходимое для жизни, радующіеся и печалующіеся вмѣстѣ съ нами и т. д., нѣкоторые, хотя и безконечно относительнымъ лишь, образомъ напоминаютъ намъ отношеніе къ человѣку Бога. Всѣ наши отвѣтныя отношенія къ родителямъ проникнуты духомъ нѣжной любви, любви, готовой на какія угодно жертвы... Государь печется о благѣ своихъ подданныхъ, употребляя для достиженія этой цѣли всевозможныя усилія. Подданные отвѣчаютъ ему своею горячею любовью, проявляющеюся самымъ разнообразнымъ способомъ. Для освѣщенія дѣла стоитъ лишь каждому нѣсколько припомнить событія послѣднихъ годовъ изъ жизни, напр., нашего отечества... Отношенія государя къ своимъ подданнымъ опять въ нѣкоторой степени напоминаютъ отношенія небеснаго Царя къ Его твореніямъ; слѣдовательно, и наши отношенія къ небесному Государю должны быть аналогичны съ отношеніями подданныхъ къ ихъ земному владыкѣ... Коротко сказать: ясно, что любовь же, при-томъ, такая, на какую только можетъ быть способенъ человѣкъ, должна быть жизненнымъ нервомъ и всѣхъ отношеній человѣка къ Богу, тѣмъ болѣе, что благодѣянія Его въ отношеніи къ намъ неизмѣримо выше и неизмѣримо существеннѣе тѣхъ, какими мы обязаны родителямъ и государю. *Наибольшая заповѣдь въ законѣ*, по слову Спасителя, это—любовь къ Господу Богу: *возлюби Господа Бога твоего*, говоритъ Онъ, *всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разуміемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь* (Матѣ. XXII, 36 — 38) ¹⁾. Если человѣку будетъ присуща такая или, по крайней мѣрѣ, подобная любовь, всѣ частныя отношенія его къ Богу, ею окрашенныя и проникнутыя, окажутся несомнѣнно нормальными и чистыми. При этихъ условіяхъ Богъ станетъ разсматриваться со стороны человѣка, какъ его *summi bonum*, отыскать и выяснить которое такъ настойчиво пытались мыслящіе языческіе умы. А разъ Онъ—*summi bonum*, къ Нему въ концѣ концовъ будутъ направляться всѣ мысли, всѣ стремленія... человѣческія и т. д.

Словами св. ап. Павла: *теперь пребываютъ сіи три:*

¹⁾ ...возлюбивши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сія есть первая и болѣшая заповѣдь...

вѣра, надежда, любовь; но *любовь* изъ нихъ больше (1 Кор. XIII, 13) ¹⁾, по мнѣнію богослововъ-моралистовъ, достаточно опредѣленно намѣчаются болѣе или менѣе частные моменты въ нашемъ поведеніи по отношеніи къ Богу. Съ точки зрѣнія этихъ трехъ добродѣтелей (правда, у апостола «вѣра, надежда и любовь» не называются «добродѣтелями», но это въ данномъ случаѣ не имѣетъ сколько-нибудь существеннаго значенія), обыкновенно и раскрывается моралистами сущность человѣческаго поступанія въ виду Бога. Въ силу характернѣйшей ихъ особенности, указывающей именно на извѣстныя отношенія человѣка къ Богу, эти добродѣтели обыкновенно и называются «богословскими» (*virtutes theologicae*), въ отличие отъ другихъ, опредѣляющихъ отношенія человѣка къ другимъ объектамъ: къ себѣ самому, къ ближнему, къ неразумному міру... Не видимъ «особенныхъ» неудобствъ разсматривать дѣло съ точки зрѣнія трехъ богословскихъ добродѣтелей и мы, надѣясь и этимъ путемъ выяснитъ его, т. е., дѣло, съ достаточною обстоятельностью, ясностію и полнотою.

Взаимоотношеніе богословскихъ добродѣтелей въ общемъ таково. Любовь—большая между ними добродѣтель (ср. выше), но вѣра и надежда являются необходимыми ея предположеніями. Любящій кого-либо въ истинномъ смыслѣ этого слова необходимо довѣряетъ объекту своей любви, а довѣрая, необходимо надѣется на него. Вѣра и надежда здѣсь предполагаются любовью непременно. Тоже слѣдуетъ сказать и въ отношеніи къ любящему Бога: любя Его, человѣкъ *eo ipso* вѣритъ Ему, вѣритъ, что всѣ Его слова, всѣ Его обѣтованія и т. д.—истинны; вѣруя, надѣется на божественную помощь, на исполненіе всѣхъ Божіихъ обѣтованій и пр. Словомъ, всѣ эти три добродѣтели по существу своему неотдѣлимы другъ отъ друга.

I.

Первымъ моментомъ въ жизни *христіанской*, моментомъ, съ котораго начинается послѣдняя, является, какъ извѣстно, *обращеніе* человѣка, состоящее въ покаяніи его и *вѣрѣ*: какъ-щійся грѣшникъ хватается за вѣру, какъ за единственно надежный якорь спасенія. Только при паличности покаянія и вѣры

¹⁾ *Нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія: больши же снѣтъ любви.*

и возможно затѣмъ возрожденіе грѣшника, т. е., оправданіе и освященіе его въ спасительныхъ Христовыхъ таинствахъ. Не имѣя въ виду здѣсь излагать исторіи обращенія и возрожденія человѣка, что сдѣлаемъ съ теченіемъ времени по другому поводу и спеціально, отмѣтимъ только то, что вѣра, слѣдовательно, есть такое внутреннее настроеніе, которое требуется отъ «новаго» человѣка при самыхъ уже первыхъ, при самыхъ начальныхъ шагахъ его жизни. *Безъ вѣры угодить Богу невозможно* (Евр. XI, 6) ¹⁾. Если же такъ, то спрашивается: о какой вѣрѣ идетъ рѣчь, во что въ частности долженъ человѣкъ вѣровать? Слово Божіе многократно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Человѣкъ долженъ вѣровать въ то, что Богъ существуетъ (— XI, 6). Это, конечно, первое условіе, при наличности котораго затѣмъ только и можно говорить о частнѣйшихъ элементахъ вѣры. Бога мы не видимъ; слѣдовательно, познать Его, какъ познаемъ что-либо доступное нашему внѣшнему наблюденію, мы безусловно не въ состояніи. Нѣкоторое же, относительное знаніе о Богѣ, однако, доступно человѣку. *Что можно знать о Богѣ, явно для* человѣка, *потому что Богъ явилъ* ему (Римл. I, 19). *Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что* человѣкъ *безотвѣтенъ* (— 20) ²⁾. Слѣдовательно, въ каждомъ человѣкѣ почва для вѣры есть, она подготовлена Самимъ Богомъ. Отъ самого человѣка требуется, чтобъ онъ надлежащимъ образомъ воспользовался благодѣтельнымъ отношеніемъ къ нему его Создателя. Вѣруя въ Бога, въ Его бытіе, въ Его всесовершенство..., въ искупительныя заслуги Сына Божія..., короче: во все, во что вѣровать предписываютъ намъ — св. Писаніе и св. Преданіе, наша православная Церковь, — человѣкъ — христіанинъ, — можно сказать, — должнымъ образомъ и воздѣлывается ту почву, дающую желательный плодъ. Теперь очевидна и причина, по которой такъ понимаемая христіанская вѣра возводится на степень добродѣтели. Если съ помощію своихъ внѣшнихъ, напр., чувствъ я познаю что-либо, какъ несомнѣнно существующее, то, конечно, не будетъ добродѣтелью, если я буду вѣрить въ бытіе этого чего-либо...; не будетъ добродѣтелью

¹⁾ *Безъ вѣры... не возможно угодити Богу...*

²⁾ *... Разумное Божіе явѣ есмь въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра творенни помышляема видима суть, и приносущая сила Его и божество, во еже быти имъ безотвѣтными.*

потому именно, что не вѣрить въ данный объектъ я уже безусловно не могу, коль скоро какъ бы держу его въ своихъ собственныхъ рукахъ. Другое дѣло: вѣра въ Бога, въ Его бытіе, всесовершенныя свойства, въ Его извѣстное отношеніе къ міру вообще и къ человѣку въ частности и т. д. Здѣсь вѣра никогда не можетъ достигнуть степени знанія, знанія исполнѣ осязательнаго. Здѣсь, такимъ образомъ, значительнѣйшій элементъ всегда останется только и только вѣрою. Въ томъ-то и состоитъ здѣсь добродѣтель со стороны человѣка, что онъ твердо вѣруетъ въ осуществленіе того, что возвышается ему Словомъ Божиимъ, въ истинность и непреложность этого..., хотя ни своимъ умомъ, ни опытомъ... не можетъ провѣрить содержанія своей вѣры. Свободный элементъ вѣры—условіе, обособляющее ее отъ признанія за истину познаваемого чрезъ посредство внѣшнихъ или внутреннихъ чувствъ, отъ признанія, слѣдовательно, отмѣченнаго отпечаткомъ невольности, вынужденности, въ то же время есть условіе, и наиболѣе опредѣляющее цѣну вѣры и достоинство. Свободная вѣра, *покорность* вѣрѣ, разумѣется, добровольная, *послушаніе* ей—вотъ то, что цѣнно въ человѣкѣ — христіанинѣ (ср. Римл. I, 5; VI, 17. Ср. отчасти Евр. XI и т. д.)... Нами сказано, что, съ одной стороны, содержаніе вѣры не можетъ быть до мельчайшихъ сторонъ выяснено при посредствѣ имѣющихся въ распоряженіи у человѣка данныхъ и даже не только до мельчайшихъ сторонъ, а и въ отношеніи къ наиболѣе существеннымъ изъ нихъ,—а съ другой, вѣра—настроеніе человѣка непремѣнно свободное. Изъ сказаннаго, повидимому, слѣдуетъ, что отъ христіанина требуется вѣра безъ всякихъ разсужденій, вѣра слѣпая, такъ какъ все равно не въ его силахъ углубиться въ ея сущность. Въ дѣйствительности, однако, христіанство предъявляетъ къ своимъ послѣдователямъ требованія совсѣмъ иного рода. *Будьте готовы всегда*, говорить св. ап. Петръ, *дать отвѣтъ всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи* (I Петр. III, 15) ¹⁾. Здѣсь уже ясно говорится, что наше упованіе, наша вѣра... непремѣнно должны имѣть подъ собой разумныя основанія, такъ чтобъ, въ случаѣ надобности, мы могли оказаться не безъотвѣтными предъ тѣми, кому вздумалось бы спросить насъ

¹⁾ ...готовы... присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи...

о тѣхъ данныхъ, какія оправдываютъ нашу принадлежность къ христіанству. Имѣя не просто вѣру, а вѣру именно разумную, противъ которой данныя нашего ума, правильно употребляемыя, ничего сказать не могутъ, мы—христіане—естественно не должны *вѣрить всякому духу, но—испытывать духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ* (І Іоан. IV, 1) ¹⁾, подъ видомъ правды проповѣдующихъ одну ложь, склоняющихъ къ вѣрѣ въ несуществующее, въ призрачное... Мы не должны быть *младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣческому, по хитрому искусству оболъщенія* (Ефес. IV, 14) ²⁾, не должны вѣрить—чему придется, не должны *увлекаться различными и чуждыми ученіями* (Евр. XIII, 9) ³⁾ и т. д. (ср. Тит. I, 13 и проч.). Короче: по смыслу Св. Писанія, мы должны тщательно изучать и всесторонне разсматривать объекты своей вѣры, чтобъ не ввести въ ихъ число такихъ, которые того не заслуживаютъ, и не смѣшать съ этими объектами совершенно противоположнаго свойства. Въ данномъ случаѣ особенно поучителенъ для насъ, конечно, примѣръ Самого Іисуса Христа. Проповѣдуя человѣчеству Свое божественное ученіе, возвѣщая, что Онъ—Мессія, пришедшій спасти людей отъ ихъ духовной смерти..., Онъ поступалъ далеко не такъ, какъ поступали многіе другіе провозвѣстники новыхъ религій. Если бы Я, говорилъ Господь, сталъ *Самъ о Себѣ свидѣтельствовать*, тогда, конечно, *Мое свидѣтельство не было бы истинно* (Іоан. V, 31) ⁴⁾ или, по крайней мѣрѣ, кто-либо могъ бы не безъ правдоподобнаго, на его взглядъ, основанія заподозрить его, т. е., свидѣтельства, истинность. Но обо Мнѣ, продолжаетъ Господь, свидѣтельствовали: Іоаннъ, къ которому *вы посылали съ вопросомъ* (— 36) ⁵⁾, а особенно *Самъ Мой Отецъ, пославшій Меня* (— 37) ⁶⁾. *Тѣ дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла эти, Мною тво-*

¹⁾ ...не всякому духу вѣруйте, но испытайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ мірѣ.

²⁾ Да не бываемъ ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія.

³⁾ Въ наученія странна и различна не прилагайтесь...

⁴⁾ Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое истъ и истинно..

⁵⁾ Вы посласте ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ...

⁶⁾ И пославый Мя Отецъ Самъ свидѣтельствова о Мнѣ... (ср. ст. 32).

римыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня (— 36) ¹⁾. Если, какъ бы такъ говорилъ Господь, для васъ (Его слушателей) недостаточны и неясны всѣ другія свидѣтельства, то пусть таковыми, при томъ, вполне понятными и осязательными для васъ, будутъ тѣ дѣла, тѣ чудеса, которыя Я постоянно совершалъ и совершаю предъ вами. На Свои чудеса, какъ на нѣчто весьма убѣдительное, ссылается Господь не разъ: *вѣрите дѣламъ Моимъ*, говоритъ Онъ, *чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я во Немъ*,—*вѣрите имъ, если ужъ не вѣрите Мнѣ* (—X, 38)...²⁾. Отсюда видимъ, что Господь снисходилъ къ немощамъ Своихъ слушателей, не высказывалъ предъ ними требованій относительно слѣпой въ Него вѣры, но указывалъ имъ на наиболѣе характерные для ихъ грубаго, чувственнаго ума признаки, по которымъ они могли судить, что Онъ всецѣло заслуживаетъ такой вѣры... Помимо Своихъ дѣлъ, Господь, какъ мы видѣли, ссылался также и на свидѣтельства: Своего небеснаго Отца (— 32. 37), а также и — Іоанна Крестителя (— 33). Далѣе, Онъ призываетъ Своихъ слушателей *испытывать* (ветхозавѣтныя) *Писанія*. Вѣдь вы, говоритъ Онъ имъ, *думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную*. А они, между тѣмъ, *свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. V, 39) ³⁾. Вы *уповаете на Моисея*. Но, *если бы вы вѣрили Моисею, то повѣрили бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ*. Если же его *писаніямъ не вѣрите*,—*какъ повѣрите Моимъ словамъ* (— 45, 46, 47) ⁴⁾? Все—такія данныя, которыя въ глазахъ іудеевъ имѣли великое значеніе. На нихъ то, поэтому, и опирается Господь, чтобъ слушатели, не увѣровавшіе въ Него даже и послѣ этого, оказались затѣмъ совершенно безотвѣтными предъ Нимъ. Но и этого мало: Господь указываетъ слушателямъ еще на Свою жизнь, чуждую всякой неправды, въ которой никто не въ состояніи обличить Его. А если такъ,

¹⁾ ...дѣла бо, иже даде Мнѣ Отецъ, да совершу я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мѣ посла..

²⁾ ...аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете и вѣруете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Немъ...

³⁾ Испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный, и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ...

⁴⁾ .. Моисей, на нѣже вы уповаете. Аще бо бысте вѣровали Моисею, вѣровали бысте убо и Мнѣ, о Мнѣ бо той писа. Аще ли того писаніемъ не вѣруете, како Моимъ глаголомъ вѣру имете?

то уже по одному этому Его слова заслуживаютъ вѣры; между тѣмъ іудеи остаются невѣрующими (—VIII, 46) ¹⁾. Призываетъ ихъ Господь обратить вниманіе и на то, что Его слова—*духъ и жизнь*, животворны (—VI, 63) ²⁾ и т. д. (ср.—III, 17—21) и что, слѣдовательно, стоятъ того, чтобы вы увѣровали въ нихъ, а чрезъ то и въ Него и пр. и пр. Словомъ, такого рода отношеніе Господа къ Его слушателямъ, имѣвшее въ виду привлечь ихъ къ вѣрѣ въ Него, вполне уполномочиваетъ и насъ разбираться въ содержаніи нашей вѣры, анализировать ее, прояснять ее и т. д., насколько, конечно, это доступно нашему разуму при наличныхъ условіяхъ нашего бытія.—Свободная и разумная вѣра,—вѣра, слѣдовательно, проникающая нашу волю (т. е., поскольку она — вѣра—свободна) и нашъ умъ (т. е., поскольку она разумна), должна всецѣло раствориться и въ нашемъ сердцѣ: мы должны *въровать сердцемъ*, по слову св. апостола (Римл. X, 10) ³⁾. Пока вѣра не проникнетъ въ наше сердечное святилище, пока она обитаетъ лишь за предѣлами его, она остается еще мертвою, не оживотворяемою ничѣмъ. Но лишь только она сдѣлается достояніемъ и сердца, положеніе дѣла сразу измѣняется. Сердечно вѣрующій, движимый побужденіями своего сердца, проявляетъ свою вѣру въ дѣлахъ. Эти послѣднія и являются жизненными элементами—они только и ничто болѣе. Это положеніе подробно раскрывается св. ап. Іаковомъ, говорящимъ, что хотя теоретическая вѣра—дѣло *хорошее*, но, взятая помимо подтвержденія ея соотвѣтствующимъ ей поступаніемъ человѣка, она—мертва. Въ обоснованіе истинности своихъ словъ св. апостолъ ссылается на оправдавшихся своими дѣлами Авраама и Раавъ-блудницу. Вѣру онъ уподобляетъ тѣлу, т. е., вѣру теоретическую, историческую; а дѣла—душѣ. Душа оживотворяетъ тѣло, дѣла оживотворяютъ вѣру, *Вѣра, словомъ, достигаетъ совершенства только дѣлами...* (Іак. II, 14—26) ⁴⁾... И такъ, вѣра должна проникать всѣ наши душевные силы: и волю, и умъ, и чувство; должна быть свободною, разумною, сердеч-

1) Кто отъ васъ обличитъ мя о грѣсѣ? Аще ли истину глаголю, почто вы не вѣруете Мнѣ...

2) ...глаголю, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ сущъ, и жизнь сущъ...

3) Сердцемъ... вѣруется въ правду...

4) ...вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ... Отъ дѣлъ совершися вѣра... Якоже бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть...

ною. При такихъ только условіяхъ она и можетъ быть совершенною. Конечно, степеней этого совершенства много. Возможно высшая для человѣка ступень достигается не вдругъ. На нее восходятъ только *чистые сердцемъ*, вѣра которыхъ уже тождественна съ получаемымъ нами при посредствѣ чувства зрѣнія знаніемъ: *чистые сердцемъ — узрятъ Бога* (Мѡ. V, 8) ¹⁾. Отсюда совершенно понятными для насъ становятся слова Спасителя, поясняющія силу и значеніе вѣры. Его ученики не могли изгнать бѣса изъ одного человѣка. Не могли, какъ Онъ говоритъ, только по ихъ *невѣрію*. Между тѣмъ какъ, если бы имъ была присуща вѣра лишь только *съ горчичное зерно*, то и тогда, по ихъ слову, гора перешла бы съ мѣста на мѣсто и вообще для нихъ все было бы возможно (Мѡ. XVII, 19, 20) ²⁾. *Вѣра наша*, по слову св. Іоанна, *есть побѣда, побѣдившая міръ* (1 Іоан. V, 4) ³⁾, и т. д. (ср. Евр. XI)... Въ виду всего сказаннаго вполнѣ ясно, почему всюду въ Словѣ Божіемъ весьма выразительно говорится о вѣрѣ, какъ *дѣло Божіе* (Іоан. VI, 28, 29) ⁴⁾, именно вѣрѣ въ І. Христа, — какъ дающей человѣку *вѣчную жизнь* (—III, 36) ⁵⁾, право называться и *быть Божіимъ чадомъ* (—I, 12) ⁶⁾, — *спасающей* людей (Дѣян. XVI, 30, 31) ⁷⁾, дающей имъ *прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными* (XXVI, 18) ⁸⁾ и проч. и проч.

Нами намѣчены существенныя, положительныя стороны *вѣры*. Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ ея съ отрицательной стороны, скажемъ о *двухъ* особыхъ явленіяхъ, имѣющихъ касательство къ этой добродѣтели: о такъ называемомъ *исповѣданіи вѣры* и *клятвѣ*.

Подъ *исповѣданіемъ вѣры*, какъ отчасти показываетъ самое это выраженіе, должно разумѣть открытое, публичное *заявленіе* человѣкомъ-христіаниномъ *объ его религіозныхъ принципахъ*, какъ принципахъ безусловно истинныхъ и непре-

1) *Блаженіи чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ.*

2) *...аще имате вѣру, яко зерно горюшно, речете гору сей: преиди отсюда тамо, и преидетъ, и ничтоже не возможно будетъ вамъ...*

3) *...сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша...*

4) *...се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Его же посла Онъ...*

5) *Вѣруй въ Сына имать животъ вѣчный...*

6) *...даде... область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его...*

7) *Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешися...*

8) *...пріяти... оставленіе грѣховъ и достояніе во святыхъ, вѣроу, яже въ Мя.*

ложныхъ, — признаніе, проявляющееся и *на словахъ*, и *на дѣлѣ*, смотря по требованію обстоятельствъ, въ какихъ данный человѣкъ находится. Въ обыденной жизни намъ приходится наблюдать нѣчто аналогичное. Всякій человѣкъ по извѣстному житейскому вопросу или о томъ или иномъ другомъ человѣкѣ и т. д. имѣетъ извѣстное представленіе. Иной изъ нихъ и въ бесѣдѣ съ другимъ или другими или въ иныхъ случаяхъ своихъ столкновеній съ людьми и словомъ, и дѣломъ отстаиваетъ свои взгляды. Другой, изъ боязни или изъ чувства стыда, или изъ желанія угодить своему ближнему и пр., и говорить, и дѣлаетъ не то, что думаетъ, не то, что ему хотѣлось бы. Первый твердо исповѣдуетъ свои убѣжденія, второй отрекается отъ нихъ. Первый проявляетъ твердость характера, второй — слабость. Перваго уважаютъ окружающіе его, второго большею частію презираютъ. Къ стыду нашего времени, должно замѣтить, что теперь лишь крайне рѣдко можно встрѣтить людей перваго сорта, при чемъ ихъ наши извращенные современники не прочь назвать психопатами, неуживчивыми и т. д. Подобное же явленіе приходится наблюдать и въ сферѣ жизни религіозной. Христіанинъ усвоилъ извѣстныя правила вѣры, извѣстныя религіозныя убѣжденія. Онъ желаетъ провести ихъ въ самую свою жизнь. Но здѣсь онъ сталкивается съ враждебными ему моментами, не позволяющими ему дѣлать того. Степень и видъ такой враждебности весьма разнообразны. Въ первое время существованія христіанской церкви противъ исповѣдниковъ Христовой вѣры воздвигались язычниками ужасныя гоненія: христіанамъ оставалось или отказываться отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, или идти на мученія, на пытки и даже на самую смерть. Вотъ здѣсь то, конечно, и представлялось широкое поле для проявленія твердости христіанскаго характера, для открытаго и мужественнаго засвидѣтельствованія предъ языческою силою своей вѣры въ Иисуса Христа. И дѣйствительно, исторія насчитываетъ великое множество исповѣдниковъ вѣры во Христа. Своимъ примѣромъ они воодушевляли массу и другихъ, менѣе твердыхъ въ вѣрѣ, христіанъ, которые затѣмъ также мужественно шли на смерть и т. д. Подобная твердость должна была сильно дѣйствовать на язычниковъ. Припомнимъ всѣмъ извѣстные факты даже изъ ветхозавѣтной исторіи: исторію трехъ вавилонскихъ отроковъ (Дан. III, 12 и т. д.), исторію Маттаѳіи (1 Макк. II), Елеазара, Соломоніи и ея 7-и сыно-

вей (2 Макк. VI, VII) и пр. Изъ новозавѣтной исторіи припомнимъ ближайшимъ образомъ мученическую кончину пѣкото-рыхъ изъ апостоловъ Христовыхъ и ихъ учениковъ. Твер-дое исповѣданіе своей вѣры мучениками заставляло многихъ изъ мучителей призадуматься, результатомъ чего было не рѣдкое обращеніе въ христіанство и самихъ послѣднихъ. По-добное преслѣдованіе исповѣдниковъ Христовой вѣры повто-рится, по слову Писанія, непосредственно предъ вторымъ явле-ніемъ на землю Христа-Спасителя, во времена господства анти-христа, когда, слѣдовательно, также потребуется отъ христіанъ великая доля мужества и стойкости. Въ наше время, конечно, не можетъ быть рѣчи объ открытыхъ преслѣдованіяхъ исповѣд-никовъ Христовой религіи, по крайней мѣрѣ, въ странахъ цивилизованныхъ; но, тѣмъ не менѣе, и нынѣ, особенно нынѣ раз-сматриваемое *исповѣданіе вѣры* можетъ быть умѣстно въ дру-гомъ, нѣсколько видоизмѣненномъ, видѣ. Если когда, то именно теперь даже и въ нашемъ отечествѣ нашли себѣ радушный пріютъ вольнодумство, религіозный скептицизмъ, религіозный индифферентизмъ и пр., заявляющіе о себѣ самымъ различнымъ образомъ. Въ погонѣ за низменными, грубыми, чувственными благами современное поколѣніе сплошь и рядомъ забываетъ о благахъ внутреннихъ, религіозныхъ, надъ которыми часто даже глумится и устно, и печатно, и своимъ поступаніемъ. Значительная часть извѣстнаго сорта нашего общества даже ликуетъ по поводу всякой выходки вольнодумцевъ противъ Христовой религіи. Вопросы послѣдней сплошь и рядомъ за-бываются. вмѣсто нихъ иногда выступаютъ крайне нелѣпыя и, пожалуй, глупыя: напр., извѣстная часть нашего общества готова съ пѣною у рта нѣсколько дней къ-ряду спорить о томъ, въ какихъ лаптяхъ слѣдуетъ вывести на сцену какого-нибудь «Акима» изъ «Власти тьмы», какъ наиболѣе эффектно произнести акимовское же «тае» и т. д. Подобное теченіе захватило большую часть общества. Многіе съ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя: что же будетъ дальше? И вотъ, въ то время какъ нѣкоторые твердые борцы мужественно стоятъ за истину, болѣе слабые, даже изъ числа право-мыслящихъ, стыдятся показаться какъ бы отсталыми отъ своего вѣка и стѣсняются открыто заявлять о своихъ христіанскихъ убѣжде-ніяхъ; иногда, перекрестившись, съ робостью оглядываются, боясь, не замѣтилъ ли кто этого ихъ дѣйствія и не смѣется ли поэтому надъ ними и т. д. Долго было бы, конечно, го-

ворить о такого рода современныхъ условіяхъ, да и излишне, такъ какъ читателямъ они, думаемъ, прекрасно извѣстны. Мы же завели рѣчь объ этомъ съ тою цѣлю, чтобъ показать, что и въ наше время *исповѣданіе вѣры*, открытое свидѣтельство-ваніе о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ — дѣло далеко не всегда легкое, требующее отъ нѣкоторыхъ большой доли мужества и стойкости. Это—съ одной стороны. Съ другой, слабость и трусость сопровождаются печальными результатами какъ для самихъ боящихся, такъ и для окружающей ихъ среды, соблазняемой ихъ поступаніемъ...—Каждый вѣрующій во Христа долженъ быть твердъ и стоекъ въ своей вѣрѣ, не отступая ни передъ чѣмъ, не стыдясь ничего... Таковъ смыслъ требованій Самого Спасителя. *Всякаго, говоритъ Онъ, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ. А кто отречется отъ Меня предъ людьми; отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ* (Мѡ. X, 32—33) ¹). Это положеніе высказывается Христомъ—Спасителемъ неоднократно: см. Мрк. VIII, 38; Лук. IX, 26; ср. 1 Тим. VI, 12. 13 ²). При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ основѣ разсматриваемаго *исповѣданія вѣры* должны лежать побужденія и вообще элементы только и только чистые. Иначе могутъ получиться послѣдствія, не желательныя ни для самого исповѣдника, ни для окружающихъ его. Для освѣщенія дѣла припомнимъ исторію, напр., изъ жизни св. ап. Петра. Предъ Своими страданіями Господь говорилъ Своимъ ученикамъ, что всѣ они соблазнятся о Немъ въ ту же ночь (Мрк. XIV, 27), на что ап. Петръ какъ бы съ нѣкоторою гордостью сказалъ: *если и всѣ соблазнятся, но не я* (— 29) ³). И что же? Онъ, обѣщавшій остаться всюду и при всякихъ обстоятельствахъ непреклоннымъ исповѣдникомъ Іисуса Христа, отрекается отъ своего Учителя *трижды* (— 68, 70, 71, 72)!.. И наоборотъ, съ какою христіанскою кротостью, растворенною христіанскою любовью, велъ свою рѣчь, напр., св. ап. Павелъ въ присутствіи царя Агриппы! И что же? Самъ Агриппа,

¹) *Всякъ убо, иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергнусъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ.*

²) Ср. также Рим. VIII, 38, 39; Евр. X, 23; 1 Петр. III, 15, 16; II, 12. Мѡ. V, 11, 12; Апок. II, 10.

³) *...аще и вси соблазнятся, но не азъ...*

между прочимъ, говорить ему: *ты немного не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ* (Дѣян., XXVI гл. вообще; только что приведенныя слова Агриппы см. въ 28 ст.) ¹⁾... Но какъ ни важно само по себѣ разсматриваемое обнаруженіе вѣры, оно далеко не всегда можетъ быть рекомендуемо и проявляемо безъ разбора. Въ обыденной жизни не всегда бываетъ надобность извѣстному человѣку открыто и во всеуслышаніе твердить всѣмъ о своихъ идеяхъ, какъ единственно истинныхъ и т. д. Стойкость въ этомъ отношеніи — нѣчто весьма прекрасное, но — только въ свое время, когда того требуютъ обстоятельства. Иначе же, т. е., проявляемая не во время и безцѣльно..., она можетъ показаться только смѣшною, нелѣпою..., и вмѣсто уваженія къ проявляющему ее можетъ вызвать со стороны совсѣмъ противоположное. Тоже можно сказать и въ отношеніи къ *исповѣданію вѣры*. Если окружающія человѣка условія не требуютъ послѣдняго, — если оно при данныхъ обстоятельствахъ не принесетъ никакой пользы ни самому человѣку, ни окружающимъ его, — если, доведя этихъ до ожесточенія, окажетъ имъ только вредъ, — если безцѣльно и попусту оно лишь только вовлечетъ человѣка въ бѣду, — если Божія слава имъ нисколько не будетъ возвѣщаться и т. д., — то во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ оно не должно быть практикуемо. Примѣрами для насъ въ данномъ отношеніи могутъ служить: Самъ Спаситель и Его св. апостолы. Однажды іудеи повели Господа на вершину нѣкоторой горы, чтобы низринуть Его; но *Онъ, прошедши посреди ихъ, удалился* (Лук. IV, 29, 30) ²⁾... Въ другой разъ Спаситель *ходилъ по Галилеѣ; но Іудеѣ же не хотѣлъ ходить, потому что іудеи искали убить Его* (Іоан. VIII, 1) ³⁾... Нѣкогда іудеи хотѣли побить І. Христа камнями; но *Онъ скрылся, и вышелъ изъ храма, прошедши посреди ихъ* (—VIII, 59) ⁴⁾. Еще разъ они же *искали схватить Его; но Онъ уклонился отъ рукъ ихъ* (—X, 39) ⁵⁾ и т. д. Почему во всѣхъ этихъ случаяхъ Спаситель не считалъ нужнымъ оставаться среди іудеевъ и продолжать твердо исповѣдывать Свое божественное ученіе? По-

1) Агриппа... рече: *амалъ мя препираеши христіанина быти.*

2) *...Онъ же, прошедъ посреди ихъ, идилше...*

3) *...не хотѣше... во Іудеѣ ходити, яко искаху Его Іудеѣ убити...*

4) *...Иисусъ же скрыся, и изыде изъ церкви, прошедъ посреди ихъ...*

5) *Искаху... наки ати Его: и изыде отъ рукъ ихъ...*

тому, что отъ того не произошло бы никакой пользы для Его дѣла... Параллельно этому даются Имъ наставленія и Его св. апостоламъ, повелѣвающія имъ *бѣжать* изъ того города, гдѣ *будутъ* ихъ *имать*, *въ другой* (Мѡ. X, 23) ¹⁾, а не оставаться въ первомъ, продолжая твердо исповѣдывать свою вѣру, и т. д. И св. ап. Павелъ *былъ спущенъ въ корзину изъ окна по стѣнѣ*, чтобы *избѣжать рукъ* областного правителя царя Ареы (дѣло было въ Дамаскѣ) (2 Корѡ. XI, 32) ²⁾... и проч.

Въ непосредственной связи съ рассмотрѣннымъ нами проявленіемъ вѣры ставятъ то, что разумѣется подъ *клятвой*: послѣднюю считаютъ также *своего рода* исповѣданіемъ вѣры. Клятва — призваніе всевѣдущаго, вседѣющаго... Бога во свидѣтельство истинности говоримаго кѣмъ-либо о чемъ нибудь прошедшемъ или настоящемъ или — въ удостовѣреніе несомнѣнности какихъ-либо будущихъ фактовъ, дѣйствій и пр., поскольку всѣ эти стоятъ въ зависимости отъ даннаго человѣка. Клятва вообще затѣмъ становится въ частности *присягою*, когда она произносится по требованію представителей правительственной власти или церковной и, при томъ, по извѣстной, опредѣленной формулѣ.

Многіе относились и относятся отрицательно къ вопросу о дозволительности клятвы и присяги. Таковы: вальденсы, анабаптисты, квакеры, меннониты, у насъ — молокане, духовборцы, штундисты и пр. (напр., графъ Толстой, Вагнеръ ³⁾)... Вопросъ, такимъ образомъ, получаетъ особый интересъ, тѣмъ болѣе, что и правительственная власть, и церковная признають клятву и присягу, какъ нѣчто вполне дозволительное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимое.

Взглянемъ, какъ смотритъ на дѣло Слово Божіе? Изъ *Вѣтхаго Завета* моралистами обыкновенно отмѣчаются слѣдующія мѣста. Въ кн. Бытія разсказывается, что *Богъ клялся*

¹⁾ *Егда же помятъ вы во градъ сего, бѣгайте въ другой...*

²⁾ *Въ Дамаскѣ... князь Ареы царя... яти мя хотя: и оконечъ въ кошницѣ спущенъ быхъ по стѣнѣ, и избѣгохъ изъ руку его.*

³⁾ Интересующихся „исторіею“ воззрѣній на клятву отсылаемъ къ книгамъ: 1) *Staudlin'a*: „Geschichte der Vorstellungen und Lehren vom Eid“ (1824 J.); 2) проф. А. Ѳ. Гусева: „О клятвѣ и присягѣ (противъ современныхъ отрицателей ихъ)“ и проч. Также чит. *Dorner'a* („System der christlichen Sittenlehre“. Berlin. 1885), *Kübel'a* („Christliche Ethik“. II Theil. München. 1896. S. 184 и слѣд.), *Luthardt'a* („Kompendium der theologischen Ethik.“ 2 Aufl. Leipzig. 1893, 5. 260—262) и друг.

и, при томъ, *Самимъ Собою*; это — когда Онъ давалъ извѣстное обѣтованіе Аврааму о размноженіи его потомства и когда, слѣдовательно, было необходимо дать этому патриарху наиболѣе сильное удостовѣреніе въ томъ, что обѣтованіе непременно осуществится (Быт. XXII, 16 и слѣд.). Если Богъ допускаетъ клятву и, при томъ, Самимъ Собою, то ясное дѣло, что могутъ допускать ее и люди, призывая Бога въ Свидѣтеля истинности ихъ словъ и обѣщаній. И дѣйствительно, Слово Божіе рассказываетъ, что Авраамъ, посылая раба для отысканія невѣсты Исааку, беретъ съ перваго клятву (— XXIV, 2, 3 и слѣд.; 37 и т. д., 41); Иосифъ даетъ клятву своему отцу относительно мѣста погребенія послѣдняго (— L, 5) и самъ беретъ клятву съ сыновъ Израилевыхъ, что они перенесутъ его кости въ родную землю (— 25). Моисей не только разрѣшаетъ, но даже требуетъ клятву въ нѣкоторыхъ случаяхъ (см. Исх. XXII, 11; Числ. V, 21 и слѣд.), напр., по вопросу о завладѣніи чужою собственностью, о вѣрности жены мужу и т. д., при чемъ предписываетъ клясться именемъ Божіимъ, а не чѣмъ-либо инымъ (Второз. VI, 13). Клянутся начальники Израильскаго общества въ томъ, что сохранятъ жизнь гаваонитянамъ (I. Нав. IX, 15). Клянется Еооей предъ Давидомъ въ томъ, что не оставитъ послѣдняго (2 Цар. XV, 21). Клянется весь народъ іудейскій въ томъ, что не измѣнитъ своему Богу (при Асѣ; 2 Парал. XV, 8—15). Первосвященникъ Іодай беретъ клятву въ домѣ Господнемъ со стона начальниковъ, что они не выдадутъ его плановъ Гоооліи относительно Іоаса (4 Цар. XI, 4). Клянутся предъ Ездру всѣ израильтяне, что удалятъ отъ себя женъ изъ рода иноплеменниковъ (1 Ездр. X, 5) и т. д. Словомъ, какъ видно изъ этихъ и подобныхъ имъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, обыкновенно цитуемыхъ въ данномъ случаѣ моралистами, клятва въ ветхозавѣтныя времена и разрѣшалась Богомъ, и дѣйствительно практиковалась, какъ нѣчто необходимое и полезное для человѣческой жизни, поскольку, разумѣется, она имѣла мѣсто при нормальныхъ условіяхъ. Иначе же она воспрещалась. Воспрещалось клясться именемъ Божіимъ *во лжи*, потому что иначе имени Божію наносилось безчестіе (Лев. XIX, 12); не слѣдовало клясться не Божіимъ именемъ, а именемъ тѣхъ, кто *не — боги* (Іерем. V, 7); не слѣдовало, наконецъ, пользоваться клятвою безъ особой къ тому нужды (ср. Ис. Сир. XIII, 9; Исх. XX, 7), что, — мимоходомъ сказать, —

въ наше время замѣчается постоянно и всюду... Исслѣдователи обращаютъ вниманіе даже на то обстоятельство, что ветхозавѣтные пророки, говоря о будущихъ временахъ, временахъ Христова царства, между прочимъ, отмѣчаютъ, что тогда будутъ клясться *Богомъ истины* (Ис. LXV, 16), Божіимъ именемъ (Іерем. XII, 16). Короче: ветхозавѣтныя данныя благопріятствуютъ положительному рѣшенію нашего вопроса.

Таковы же, повидимому, да и въ дѣйствительности, и данныя *новозавѣтныя*. Въ частности, моралистами обыкновенно отмѣчаются слѣдующія. Ссылаются на Іоанн. V, 32 и 43, гдѣ говорится, что Іисусъ Христосъ указывалъ на Бога—Отца, какъ на свидѣтельствовавшаго о Немъ, и на то, что Онъ пришелъ и проповѣдывалъ во имя Своего Отца, такъ что, слѣдовательно Ему должно вѣрить. Ссылка на Отца для того, чтобы увѣрить Своихъ слушателей въ истинности Своихъ словъ и Своей дѣятельности, какъ Спасителя міра, — какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые богословы, — есть не иное что, какъ своего рода клятва именемъ Бога Отца. Обращаетъ на себя вниманіе, затѣмъ, другое, еще болѣе характерное въ данномъ случаѣ, мѣсто изъ Еванг. Мѣ. XXVI, 63, 64... Когда І. Христосъ молчалъ послѣ того, какъ выступили противъ Него два лже-свидѣтеля, — молчалъ даже и послѣ сказанныхъ затѣмъ и проникнутыхъ недоумѣніемъ словъ первосвященника, то послѣдній, *заклиная* Его *Богомъ живымъ*, просилъ отвѣтить: Онъ ли *Христосъ, Сынъ Божій*? Лишь только послѣ этого Господь отвѣтилъ: *ты сказалъ* ¹⁾. Это выраженіе всецѣло параллельно бывшему въ обычаѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ слову: *аминь* ²⁾. Ты заклинаешь Меня Богомъ живымъ, какъ бы такъ говорилъ Спаситель?! Я во имя Бога живого отвѣчаю, т. е. (если выразимся нынѣшнимъ языкомъ) присягаю въ томъ, что Я — Христосъ, Сынъ Божій. Смыслъ мѣста ясенъ въ такой степени, что иначе уразумѣть его безпристрастному читателю совершенно невозможно. Св. ап. Павелъ многократно призываетъ въ качествѣ свидѣтеля Самого Бога (Римл. I, 9; 2 Кор. I, 23; Филипп. I, 8), слѣдовательно, клянется, считаетъ клятву дѣломъ хорошимъ.

¹⁾ ...отвѣщаѣ архіерей, рече Ему: заклиная Тя Богомъ живымъ, да реши намъ, аще Ты еси Христосъ, Сынъ Божій? Глагола ему Іисусъ: ты рекъ еси...

²⁾ Сравни. Числ. V, 22...

Клятвопреступниковъ же естественно ставить на одну линію съ блудниками, мужеложниками, скотоложниками и тому подобными грѣшниками (1 Тимѳ. I, 9, 10) и, конечно, потому только, что они — клятвопреступники, а вовсе не потому, что давали клятву. Это ясно, какъ и то, что $2 \times 2 = 4$. Классическимъ мѣстомъ въ посланіяхъ св. ап. Павла является Евр. VI, 16: *люди клянутся высшимъ, и клятва во удостоверение оканчиваетъ всякій споръ ихъ* ¹⁾). Здѣсь рѣчь идетъ о всѣхъ людяхъ вообще; исключеній не дѣлается ни для кого, при чемъ не дѣлается ни малѣйшаго намека на то, что люди (конечно, и хрістіане) въ данномъ случаѣ совершаютъ что-либо дурное. Клятва называется чѣмъ-то окончательно рѣшающимъ всякіе человѣческіе споры: къ ней, какъ къ такому рѣшительному средству, принято обращаться тогда, когда уже всѣ остальные средства для улаженія спорнаго дѣла безплодно исчерпаны. Это, конечно, и естественно. Предполагается, что во всякомъ человѣкѣ живетъ чувство страха предъ Богомъ, все видящимъ и все знающимъ, — чувство, которое уже одно только остановить человѣка и удержать отъ всякой лжи и неправды ²⁾).

Итакъ, съ вопросомъ о «дозволительности» клятвы можно бы здѣсь уже и покончить, такъ какъ дѣло выяснилось вполне достаточно. Однако, нельзя пройти молчаніемъ двухъ мѣстъ изъ Н. Завѣта, дающихъ, повидимому, оружіе въ руки безусловныхъ отрицателей дозволительности клятвы. Эти мѣста: Мѳ. V, 34—37 и Іак. V, 12. Въ первомъ мѣстѣ содержатся слова Господни:... *Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ..., ни землею..., ни Иерусалимомъ..., ни головою твоею...; но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; и что сверхъ этого, то отъ лукаваго* ³⁾). Во второмъ мѣстѣ читаемъ: *...братія мои, не клянитесь ни небомъ, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будетъ у васъ да,*

¹⁾ Человѣки бо большимъ кленутся, и всякому прекословію ихъ кончина во извѣщеніе клятва есть...

²⁾ Чит. также, напр., у Beck'a: «Vorlesungen über christliche Ethik» (3 Bd., Gütersloh; 1883; S. 101 и слѣдующ.); у Schwane: «Specielle Moraltheologie» (1 Th., Freib. im Breisg., 1878, S. 189 и слѣдующ.); у Bittner'a: «Lehrbuch d. kath. Moraltheologie» (1855, Regensburg; § 49) и у друг.

³⁾ Азъ же глаголю вамъ не клястися всяко, ни небомъ...; буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни; лишне же сего отъ неприязни есть.

да, и нѣтъ, нѣтъ; дабы вамъ не подпасть осужденію ¹⁾. Какъ понимать эти два мѣста? Ужели они стоятъ въ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что раньше нами сказано? Не стоятъ и не могутъ стоять. Въ пользу этого говорить уже то одно, что у новозавѣтныхъ библейскихъ писателей нѣтъ противорѣчій другъ другу, и если въ одномъ мѣстѣ читаемъ о дозволенности, напр., клятвы, то не можемъ встрѣтить въ другомъ совершенно противоположнаго взгляда на тотъ же вопросъ. Теперь присмотримся къ дѣлу внимательнѣе. *Первое* запрещеніе клясться дано, какъ видно изъ хода рѣчи (см. — 33 ст.: *...слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои* ²⁾; ср. Лев. XIX, 12; Второз. XXIII, 21), въ качествѣ поправки къ ветхозавѣтному — положительному предписанію касательно ея, — и, повидимому, ветхозавѣтный законъ въ данномъ отношеніи отмѣненъ Спасителемъ. Такъ ли, однако? *Не клянись вовсе* (ὅλως = omnino). Толкователи разногласятъ между собою, понимая дѣло или въ смыслѣ ограниченія клятвы только именемъ Божиимъ, или въ смыслѣ отмѣненія всецѣлой недозволенности ея, или въ смыслѣ даже излишества ея для высоко нравственныхъ людей и т. д. Слово: ὅλως, дѣйствительно, не лишено растяжимости, и можетъ быть при случаѣ понимаемо и такъ, и сякъ, и иначе. По толкованію бл. Иеронима, «запрещеніе» имѣетъ въ виду «пустыя и суевѣрныя» клятвы «тогдашнихъ» (т. е., современныхъ Спасителю) «іудеевъ, клявшихся небомъ, землей, городомъ Іерусалимомъ, храмомъ, своей головой...»; по изъясненію бл. Августина «запрещеніе Христово» касается «только слишкомъ частаго, легкомысленнаго употребленія клятвы»... ³⁾. Попробуемъ установить твердый и устойчивый взглядъ на сущность дѣла. Дальнѣйшія слова Христовы, слѣдующія за высказаннымъ Господомъ запрещеніемъ клятвы, таковы: *но да будетъ слово ваше: да, да, и нѣтъ, нѣтъ... Слово = ὁ λόγος*. Членъ «ὁ» указываетъ, что это — слово, о которомъ уже рѣчь была, извѣстное; иначе: *это* слово, т. е., клятвенное слово или, что тоже, клятва. Итакъ, да будетъ клятва ваша: *да, да, и нѣтъ,*

¹⁾ *...не кленитесь ни небомъ, ни землею, ни иною кою клятвою: буди же вамъ еже ей, ей, и еже ни, ни: да не ѿ лицемеріе впадете...*

²⁾ *...речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоа.*

³⁾ Bittner, S. 372.

нѣтъ. Человѣкъ, клянущійся Божиимъ именемъ, при этомъ предполагаетъ, что всевѣдущій и всевидящій Богъ видитъ и слышитъ его, слышитъ его слова, видитъ его внутреннее *я*. Слѣдовательно, человѣкъ клянется и въ то же время предполагаетъ, что онъ говоритъ какъ бы не предъ людьми, но какъ бы только и только предъ однимъ Богомъ. Такимъ взглядомъ на дѣло ясно констатируется въ высшей степени тѣсное и постоянное взаимоотношеніе между человѣкомъ и Богомъ. При наличности же подобнаго тяготѣнія, при томъ, конечно, внутренняго, а не внѣшняго, всякое *да* и всякое *нѣтъ*, произносимыя даннымъ человѣкомъ, будутъ тою же клятвою, ничѣмъ не будутъ отъ нея отличаться. Другое дѣло было бы, еслибъ объ указанномъ тяготѣніи и общеніи человѣка съ Создателемъ не было рѣчи: тогда одно *да* и одно *нѣтъ* будутъ малосодержательны; тогда является надобность и въ клятвѣ именемъ Божиимъ... Ветхозавѣтные евреи постарались все свести къ чисто наружнымъ только отношеніямъ между ними и Богомъ. Отсюда простое *да* и простое *нѣтъ* для нихъ являлись словами, собственно не выражающими ничего особеннаго. Отсюда, далѣе, они и прибѣгали къ клятвѣ Божиимъ именемъ, но какъ къ только внѣшнему аргументу — не больше... Короче сказать: говоря: *да будетъ слово ваше: да, да, нѣтъ, нѣтъ*, Господь не упразднилъ клятвы именемъ Божиимъ, потому что и при этихъ *да* и *нѣтъ* она, какъ разъяснено выше, непременно предполагается, но *советовалъ, чтобы люди поднимались до такой нравственной высоты, при которой, естественно всецѣло доверяя другъ другу, могли бы довольствоваться въ разсматриваемомъ случаѣ простыми — подтвержденіемъ и отрицаніемъ*. Что дѣло обстоитъ именно такъ, на это указываетъ весь ходъ рѣчи Спасителя въ Нагорной бесѣдѣ, гдѣ Имъ начертывается тотъ идеаль, какой долженъ быть предметомъ конечныхъ чаяній и стремленій человѣка, — идеаль, сущность котораго выражена Имъ весьма кратко словами: *будьте совершенны, какъ совершеннъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. V, 48) ¹⁾. Еслибъ этотъ идеаль былъ осуществимъ для человѣка при земныхъ условіяхъ его бытія, тогда, конечно, и наступило бы то время, когда одни только: *да* и *нѣтъ* могли бы воплощать въ себѣ всякую клятву. Но всякому извѣстно, какъ человѣку далеко до такого осуществленія...

¹⁾ *Будите убо вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*

всякому извѣстно, какъ все еще сильно зло, какъ силенъ въ мірѣ грѣхъ!! И вотъ, при господствѣ грѣха и зла, клятва именемъ Божиимъ всегда еще остается необходимою. Грѣхъ и зло, овладѣвшіе человѣкомъ, обусловили собою то, что люди не вѣрили словамъ Самого Сына Божія, Который, поэтому, вынужденъ былъ произнести предъ невѣрующими клятву Божиимъ именемъ. Что же послѣ этого сказать объ остальныхъ, о людяхъ? Развѣ они станутъ вѣрить другъ другу въ такой степени, чтобъ могли обходиться безъ того же Божія имени?! Конечно, никоимъ образомъ... А что *сверхъ этого* (т. е., *да* или *нѣтъ*), то *отъ лукаваго*, говоритъ Господь въ Ев. Маттея. Если будете допускать что-либо *сверхъ да* и *сверхъ нѣтъ*, то *подпадете осужденію*, — таковъ прямой смѣсль словъ св. ап. Іакова въ приведенномъ выше мѣстѣ. *Отъ лукаваго* = ѣхъ тоѣ поучроѣ, т. е., *вслѣдствіе зла, вслѣдствіе порока*.., именно въ вышеуказанномъ смѣслѣ. Если бы, — иначе сказать, — въ мірѣ не было зла, не было господства лукаваго духа, тогда достаточно было бы однихъ: *да* и *нѣтъ*; но такъ какъ господство зла въ мірѣ — несомнѣнный фактъ, то и является *сверхъ да* и *нѣтъ* еще клятва именемъ Божиимъ. Переводить же данное выраженіе: «*для* зла» (какъ то дѣлаетъ графъ Л. Толстой) — признакъ филологическаго... невѣжества, такъ что о всѣхъ выводахъ, дѣлаемыхъ отрицателями «дозволительности» клятвы изъ такого ихъ перевода, и говорить уже по меньшей мѣрѣ было бы излишне. Что же касается выраженія св. ап. Іакова, предостерегающаго читателей (именно «христіанъ изъ *евреевъ*»¹⁾) отъ возможности подпасть осужденію, то оно имѣетъ ясный смѣсль: апостоломъ совѣтуется читателямъ не подражать пріемамъ ветхозавѣтныхъ книжниковъ и фарисеевъ, т. е., не пользоваться клятвеннымъ призываніемъ имени Божія лишь только наружно, не доводя дѣла до внутренняго святилища своего и, но — каждый разъ мыслить себя стоящими предъ очами Самого Бога — Судии и Мздовоздаятеля и, соотвѣтственно этому, относиться къ своей клятвѣ серьезно, строго. При несоблюденіи послѣдняго условія, охарактеризованнаго нами выше болѣе или менѣе подробно, христіане легко подпадутъ осужденію...

Наконецъ, относительно обстоятельства, отмѣчаемаго въ дан-

¹⁾ См. „Толковый Апостолъ“ еп. Михаила (кн. втор.: „Соборныя посланія св. Апостоловъ“; Кіевъ, 1890 г., стр. 6—7)

номъ случаѣ противниками клятвы, именно—что мы, не имѣя возможности поручиться за будущіе свои поступки и дѣйствія, которыя часто зависятъ отъ случайностей и иныхъ моментовъ, стоящихъ внѣ нашей власти и прозорливости, потому не можетъ будто бы и давать клятвъ,—вполнѣ достаточно замѣтить, что клятва, когда она дается, имѣетъ въ виду у себя лишь то только, что не стоитъ въ зависимости отъ случайностей, а зависитъ единственно отъ одного клянущагося: поскольку личное поступаніе послѣдняго, его я не виновно въ неисполненіи клятвеннаго обѣщанія, постольку оно—свободно отъ всякихъ нареканій... Короче: при всякомъ клятвенномъ обѣщаніи имѣетъ силу извѣстное «если»... ¹⁾).

Въ виду всего сказаннаго понятно, почему государственная власть, поддерживаемая церковною, всегда стояла и стоитъ за клятву, за присягу. Не говоримъ уже при этомъ о чисто практическихъ неудобствахъ, какими сопровождалось бы для государства отрицательное отношеніе его къ вопросу о «дозволительности» клятвы и присяги. При господствѣ въ мірѣ зла, не сдерживаемаго присягою, трудно (скорѣе: невозможно) было бы ожидать нормальныхъ отношеній подданныхъ къ государямъ, вѣрности первыхъ послѣднимъ и т. д. Исчезни изъ міра зло, сами собой исчезнутъ, по крайней мѣрѣ, не будутъ нужны: ни клятва, ни суды, ни иныя подобныя имъ явленія; при господствѣ въ мірѣ только христіанской любви создадутся иныя и отношенія между людьми и проч. ²⁾ ³⁾).

¹⁾ „О клятвѣ, какъ объ условіи, предполагаемомъ христіанскою любовью человека къ самому себѣ“, мы уже говорили въ нашей статьѣ: „Христіанское самолюбіе“ (Хр. Чт. 1897 г., сентябрь; стр. 361).

²⁾ По поводу внѣшнихъ дѣйствій при „присяганіи“, ср., между прочимъ: Быт. XIV, 22...; Исх. VI, 8 и т. п.

³⁾ По вопросу о клятвѣ чит.: 1) *Bayer*: „Betrachtungen über den Eid“, 2) *Bauer*: „Ueber den Eid, moralisch-theologischer Versuch“, 3) *Soeschel*: „Der Eid nach seinem Principe, Begriffe und Gebrauche“ (1837); 4) *Strippelmann*: „Der Gerichtseid“ (1855); 5) *Nitzsch*: „Ueber die Heiligkeit des Eides“ (проповѣдь) и др.; 6) *Elvers*: «Ueber den gerichtl. Missbrauch des Eides» (1851); 7) *Göpfert*: «Der Eid» (Mainz, 1883); 8) *Evangel. Kirch. Zeit*, 1879 J., S. 187: «Die Bedeutung des Eides für das christl. Volksleben»; 9) *Happel*: «Der Eid im A. Testam. v. Standpunkt der vergleichenden Religionsgeschichte aus betrachtet» (Leipzig. 1893) и друг. напр., *J. Köstlin*'а); 10) правоучит. системы: *Dorner*'а, *Kübel*'я, *Bittner*'а, *Schwane*, *Beck*'а, *Luthardt*'а, *Göpfert*'а *Pruner*'а и мног. друг.; 11) особ. цитов. выше книгу проф. *А. Θ. Гусева* (а также его же: „Основные правила въ правоученіи гр. Л. Толстаго“, Москва, 1893; стр. 123—147) и т. д.

Итакъ, сущность клятвы, равно какъ и ея дозволенность нами выяснены достаточно. Все, что такъ или иначе не будетъ совпадать съ тѣми условіями, при какихъ только клятва и позволительна, и имѣть необходимый смыслъ, — повторяемъ: *все* таковое уже не можетъ носить имени истинной клятвы. Сюда принадлежитъ такъ называемая *ложная клятва*, т. е., такое явленіе, когда кто-либо клятвою удостоверяетъ то, чего въ дѣйствительности, однако, не было и нѣтъ или чего онъ не намѣренъ никогда выполнить. О преступности такого человѣка, не боящагося Бога, именемъ Котораго онъ беззащитно пользуется, не стыдящагося своей совѣсти, ни во что ставящаго интересы постороннихъ, зло смѣющагося надъ самой истиной и т. д., и говорить уже нечего. — Въ данномъ же случаѣ должно быть упомянуто и о *божбѣ*. Божба—въ большемъ ходу среди нашихъ соотечественниковъ: ею пользуются и къ дѣлу, и не къ дѣлу; важность ея обыкновенно не сознается; имя Божіе постоянно произносится *всуе* (ср. третью запов. 10-словія!). Между тѣмъ, самое лучшее—по возможности обходиться безъ нея; прибѣгать же къ ней можно лишь только при условіяхъ, отмѣченныхъ нами относительно клятвы именемъ Божіимъ, тождественной по своему существу съ божбою. Наконецъ, отмѣтимъ еще тотъ случай, когда клятва имѣетъ мѣсто при всецѣло нормальныхъ условіяхъ, но когда она въ послѣдствіи времени нарушается человѣкомъ по какимъ-либо причинамъ, зависѣвшимъ лично отъ него. Происходитъ *клятвoprеступничество* — явленіе гнусное и безусловно нежелательное, хотя сравнительно съ вышеупомянутою ложною клятвою нѣсколько менѣе преступное: у клятвoprеступника ложь, обманъ... явились лишь съ теченіемъ времени, отсутствуя въ моментъ произнесенія клятвеннаго обѣщанія, у ложно клянущагося эти условія — на лицо всегда... Впрочемъ, со стороны существа своего тотъ и другой порокъ преступны всецѣло, какъ стоящіе въ полномъ несоотвѣтствіи съ требованіями нравственнаго закона...

Нами выше былъ начерченъ тотъ кругъ, въ предѣлахъ котораго вѣра, какъ христіанская добродѣтель, имѣетъ мѣсто. Этотъ кругъ въ данномъ случаѣ можетъ быть только съ извѣстнымъ — опредѣленнымъ діаметромъ. Если діаметръ — больше, нежели слѣдовало-бы, то истиннаго понятія о вѣрѣ уже не будетъ; не будетъ его также, если этотъ діаметръ окажется и меньше по сравненію съ нормальнымъ. Въ обо-

ихъ случаяхъ получаютъ явленія ненормальныя: вѣроотступничество, невѣріе, скептицизмъ, индифферентизмъ, суевѣріе, каковыя обыкновенно и отмѣчаются моралистами. Вѣроотступничество — измѣна христіанина своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Ранѣе того, какъ наступило это состояніе, данный человѣкъ или вѣровалъ въ Бога, или чаще всего: былъ холоденъ къ своей вѣрѣ или даже былъ одержимъ сомнѣніемъ въ истинности ея. Дальнѣйшею степенью этихъ послѣднихъ состояній и является вѣроотступничество. Рѣдко оно является стадіею, непосредственно слѣдующею за первымъ изъ трехъ данныхъ состояній. Если въ обыденной жизни замѣчаемъ, что какой-либо человѣкъ измѣняетъ своимъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, которыя прививались къ нему съ самыхъ давнихъ поръ, быть можетъ, даже съ дѣтскихъ лѣтъ, то такому обыкновенно или совсѣмъ перестаютъ довѣрять, или слишкомъ мало довѣряютъ, полагая, что случившееся съ нимъ однажды можетъ повториться и впредь. Впрочемъ, уваженіе и довѣріе къ нему окружающей среды возрастаетъ сравнительно съ прежнимъ, если убѣжденія, которыми замѣнены прежнія, лучше, чище, выше послѣднихъ, не только по его личному мнѣнію и мнѣнію другихъ, но особенно со стороны существа ихъ. Въ отношеніи къ отступникамъ отъ божественной религіи послѣдняя оговорка, конечно, значенія имѣть не можетъ, но за-то имѣетъ полный смыслъ все то, что можно сказать въ упрекъ имъ. Ап. Павелъ такъ говоритъ о вѣроотступникахъ: *невозможно однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему* (Евр. VI, 4—6) ¹⁾. Поэтому-то и надлежитъ быть христіанамъ, по слову того же св. апостола, *твердыми, стоять въ вѣрѣ* (1 Кор. XVI, 13) ²⁾, а по слову другого: *быть вѣрными до смерти* (Апок. II, 10) ³⁾. Въ наше время случающіяся вѣроотступничества обыкновенно обусловливаются

¹⁾ *Невозможно бо просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, наки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ и обличающихъ.*

²⁾ *Сойте въ вѣрѣ...*

³⁾ *Буди вѣрнѣ даже до смерти...*

одною только внутреннею настроенностью людей въ извѣстномъ направленіи. Отсюда они — всецѣло неизвинительны. Вдревнія времена, во время гоненій на христіанъ, когда эти мученіями... *искушались* на-подобіе золота, вложеннаго въ плавильную печь, малодушные, изъ-за любви къ этой временной жизни и ея утѣхамъ, отпадали отъ вѣры..., но сравнительно съ нынѣшними вѣроотступниками — добровольными они были все-таки менѣе безотвѣтными... — Немного выше вѣроотступника въ нравственномъ отношеніи — невѣрующій: послѣднему неизвѣстна сладость вѣры, почему онъ и блуждаетъ во мракѣ невѣрія, между тѣмъ первый, вкусивъ той сладости, добровольно отъ нея отрекся, добровольно погрузился въ тотъ мракъ. Міросозерцаніе невѣрующаго общеизвѣстно: отрицательно относясь къ вопросамъ — о бытіи Божіемъ, о загробномъ существованіи человѣческой души и т. д., словомъ, къ вопросамъ о такъ называемомъ «потустороннемъ», въ сферѣ же «посюсторонняго» такъ же смотря на вопросы: о грѣхѣ, даже о бытіи въ человѣкѣ силы «самоопредѣленія», именно ни отъ чего не стоящей въ зависимости, отсюда — объ отвѣтственности человѣка предъ нравственнымъ закономъ (онъ, конечно, также отвергается) за свое поступаніе и т. д., невѣрующіе обыкновенно ограничиваютъ всю свою вѣру областью чувственнаго, матеріальнаго... Ничего нѣтъ удивительнаго, что, не имѣя подъ собой твердой почвы, они обыкновенно даютъ широкій просторъ господству своихъ низменныхъ-чувственно-эгоистическихъ инстинктовъ. По-истинѣ жалкіе *безумцы* (ср. Псал. XIII, 1), еще и кичащіеся своимъ безуміемъ! Конечно, не всѣ невѣрующіе одинаково низко стоятъ въ нравственномъ отношеніи, конечно, не всѣ они безусловно отрицаютъ перечисленные нами пункты, но такая градація касается уже частныхъ, о которыхъ мы говорить не имѣемъ въ виду по невозможности прослѣдить всѣ тѣ частности, все-таки мало мѣняющія самый корень дѣла... — Поднимаемся еще выше: къ религіознымъ скептикамъ, къ этимъ *морскимъ волнамъ, вътрѣмъ поднимаемымъ и развѣваемымъ* (Іак. I, 6) ¹⁾. Это уже не то, что — вѣроотступники и невѣрующіе. Здѣсь элементъ вѣры въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣетъ мѣсто, но онъ еще крайне неустойчивъ. Онъ нуждается въ

¹⁾ ..сумняйся... уподобися волненію морскому, вътры возметаему и развѣаему...

опорѣ, въ направителѣ. Смотря по тому, что это — за опора и за направитель, — и колеблющійся въ вѣрѣ человекъ склоняется или въ сторону вѣры, или въ сторону невѣрія. Библейская исторія представляетъ много примѣровъ, иллюстрирующихъ подобное внутреннее состояніе человека. Израильтяне, шатавшіеся въ вѣрѣ и отсюда почитавшіе то Іегову, то языческихъ боговъ (Ваала, Астарту...), на время бывали склоняемы къ вѣрѣ только въ Перваго, именно усиліями особенно пророковъ. Но, какъ скоро эта поддержка удалялась, они снова, подобно морской волнѣ, то поднимались, то опускались. А сколько разъ то проявляли вѣру, то невѣріе въ отношеніи къ Іисусу Христу современные Ему іудеи?! Даже ап. Ѳома — и тотъ оказался въ числѣ сомнѣвавшихся (Іоан. XX, 24, 25, 27, 28, 29)! Положимъ, то было временное только состояніе духа этого апостола, затѣмъ сдѣлавшагося однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и надежнѣйшихъ проповѣдниковъ евангельскаго ученія..., — но такое состояніе все-таки было. Вѣра, какъ плодъ знанія, уже не столь цѣнна: *ты*, — говоритъ Господь Ѳомѣ, — *повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе* (— 29¹); сравн. 1 Кор. VIII, 1). — Сомнѣвающіеся люди все-таки такъ или иначе заинтересованы въ вопросѣ о вѣрѣ, — они только недоумѣваютъ: въ какую сторону имъ склониться окончательно?.. Но встрѣчается родъ людей, которые ни мало не интересуются даннымъ вопросомъ и другими — съ нимъ соединенными. Для нихъ совершенно безразлично: вѣровать ли, не вѣровать ли... Ихъ симпатіи совсѣмъ въ другой области: въ области грубо-чувственнаго, матеріальнаго. Въ погонѣ за послѣднимъ они забываютъ обо всемъ остальномъ. Они *ни холодны, ни горячи* ²), по слову Апокалипсиса св. Іоанна (III, 15). Такое ихъ равнодушіе къ вѣрѣ въ высшей степени нравственно-дурно, такъ какъ оно совершенно уподобляетъ ихъ неразумнымъ животнымъ, не видящимъ ничего за удовлетвореніемъ своихъ грубыхъ, только чувственныхъ инстинктовъ. Такіе люди *ѣдятъ, пьютъ, женятся, выходятъ замужъ... и не думаютъ болѣе ни о чемъ* (Мѡ. XXIV, 38, 39). Въ наше время такихъ людей — удивительное множество! Ихъ можно встрѣтить всюду.

¹) ...яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси; блаженни же не видѣвшіи, и вѣровавшие..

²) *Вѣкъ твоѣ дѣла, яко ни студенъ еси (=Ангелъ Лаодикійскія церкви), ни теплъ...* (чит. также стих. 16).

Они — настолько обычное явленіе, по крайней мѣрѣ, въ такъ называемой (quasi—) интеллигентной средѣ, что иные люди, съ ихъ точки зрѣнія, нѣчто въ родѣ ненормальныхъ...—Но, если только что названная среда создаетъ подобнаго рода людей, то необразованная среда (конечно, большею частію, но не исключительно только она одна) создаетъ людей, впадающихъ въ крайность, противоположную разсмотрѣннымъ выше обнаруженіямъ человѣческаго Я. Разумѣемъ суевѣріе и его представителей. Характеризуя сущность вѣры съ положительной стороны, мы, между прочимъ, отмѣнили то положеніе, что вѣра не должна быть слѣпою, что она, — насколько то, конечно, возможно для человѣка, — должна быть отмѣчена отпечаткомъ разумности, такъ чтобъ вѣрующій могъ дать отчетъ въ объектахъ своей вѣры кому угодно... При отсутствіи этого элемента-разумности и происходитъ то, что извѣстно подъ именемъ суевѣрія. Невѣжественный человѣкъ, не имѣя силъ внести въ свою вѣру разумаго луча, не имѣя, слѣдовательно, возможности дать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ содержаніи своей вѣры, обыкновенно вѣритъ во многое такое, во что безусловно не слѣдовало бы. Такъ, вѣря въ Бога, онъ, однакожъ, понимаетъ дѣло слишкомъ внѣшнимъ только образомъ: напр., думаетъ, что одно только механическое произнесеніе Божія имени можетъ помочь ему совершить что-либо чудесное, необычайное; напр., полагаетъ, что Богъ, если вѣровать въ Него, поможетъ человѣку совершить что-либо даже и не особенно нравственное; вообще надѣется, вѣруя въ Бога, получить отъ Него то, проявленіе чего не стоитъ въ соотвѣтствіи съ Его свойствами. Вѣря въ Бога подобнымъ образомъ, такой человѣкъ простираетъ свою вѣру и на обыкновенные предметы, на то, что само по себѣ не обладаетъ никакою чудодѣйственною силою. Отсюда проистекаетъ такъ называемое идолопоклонство во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ (ср. Римл. I, 23), отсюда: всякіе виды волшебства, чародѣйства, ворожбы, гаданья, такъ называемой магіи, спиритизма (весьма моднаго въ наше печальное время!) и проч. Всѣ такого рода суевѣрія, имѣющія мѣсто особенно въ нашемъ отечествѣ, понятны со стороны ихъ происхожденія. Извѣстно, что наши предки—язычники видѣли боговъ въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ природы, особенно, если онъ чѣмъ-либо (напр., величиной) выдѣлялся изъ ряда окружавшихъ его; всюду видѣли они дѣйствія и обнаруженія того или иного изъ боговъ—

добрыхъ или злыхъ, различныхъ домовыхъ, водяныхъ, лѣшаго и т. д. По обращеніи въ христіанство отрѣшиться отъ всѣхъ прежнихъ, всосавшихся въ ихъ плоть и кровь, суевѣрій они не могли вдругъ. Кто принималъ христіанскую вѣру, но при этомъ не былъ просвѣщаемъ надлежащимъ образомъ своими пастырями, тотъ (а такихъ и въ прежнее время было много, да и теперь очень и очень не мало) по прежнему оставался полонъ суевѣрій и даже больше: новыя религіозныя вѣрованія, внѣшнимъ образомъ коснувшись его Я, перемѣшались съ съ прежними, отъ чего умъ его запутался еще больше... Всякій изъ насъ, родившихся въ деревнѣ и наблюдавшихъ жизнь нашего народа, знаетъ, что безъ суевѣрій простой русскій мужикъ не обходится почти нигдѣ. Отсюда распростра- няться о дѣлѣ болѣе нѣтъ надобности. Что же касается спиритизма, обязаннаго своимъ происхожденіемъ присущему че- ловѣческой природѣ стремленію постигнуть явленія изъ жизни «иного» міра и находящаго своихъ адептовъ обыкновенно въ лицѣ скучающей и бездѣлничавшей части общества, то какое-либо значеніе ему усвояютъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время лишь одни болѣе, чѣмъ наивные, люди. Другіе же го- ворятъ о немъ не иначе, какъ съ улыбкой... Слово Божіе весьма строго относится къ представителямъ всѣхъ видовъ суевѣрія: вызывающихъ мертвыхъ или волхвующихъ оно обре- каетъ на побіеніе камнями (Лев. XX, 27); *не долженъ на- ходиться у тебя*, говоритъ Моисей Израилю, *проводящій сына своего или дочь свою чрезъ огонь, прорицатель, гада- тель, ворожея, чародѣй, обаятель, вызывающій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ* (Второз. XVIII, 10. 11, ¹); *историну*, говоритъ Господь чрезъ пр. Михея тому же Израилю, *чародѣянія изъ руки твоей, и гадаю- щихъ по облакамъ не будетъ у тебя, истреблю истуканы твои и кумиры..., искореню... священныя рощи твои...* (Мих. V, 12, 13, 14) ²) (ср. Зах. X, 2; Малах. III, 5; ср. исторію Саула и Аэндорской волшебницы: 1 Цар. XXVIII). И св. ап. Павломъ всѣ такого рода проявленія суевѣрія отно- сятся къ дѣламъ плоти (Гал. V, 19, 20; срав. Апокал.

¹) *Да не обрѣцется въ тебѣ очищая сына своего и дочь свою огнемъ. волхвующа волхвованіемъ, и чаруяй, и птицеволшебствующа, чародѣй обавая обаваніемъ, утробоволхвующа, и знаменостроителя, и вопрошай мертвыхъ.*

²) *И отвергну волхвованія твоя отъ руки твоея, и волхвующихъ не бу- дутъ въ тебѣ. И потребу изваянія твоя, и кумиры твоя изъ среды тебе...*

XXI, 8; XXII, 15); *участь* суетвѣровъ, по словамъ Ев. Іоанна, пребываніе *въ озерѣ, горящемъ огнемъ и строю* (Апокал. XXI, 8).

Примѣчаніе. Болѣе подробная рѣчь о спиритахъ, магахъ и т. д. не входитъ въ нашу задачу. Наше дѣло — отмѣтить подобныя явленія, охарактеризовать *самую* ихъ сущность, поскольку они несогласны съ истиннымъ понятіемъ о вѣрѣ, и указать взглядъ на нихъ Слова Божія. Ближайшая наша цѣль — выясненіе *положительнаго* христіанскаго ученія о «вѣрѣ».

II.

Переходимъ къ рѣчи о другой богословской добродѣтели — *надеждѣ*... — Міръ созданъ Богомъ съ извѣстною цѣлію. Для достиженія имъ своего назначенія ему даны Создателемъ требуемыя силы. Чтò сказано о мірѣ, должно быть сказано, въ частности, и о человѣкѣ. И міръ, и человѣкъ, слѣдуя по своему пути, конечно, все болѣе и болѣе приближались бы къ ихъ назначенію. Но произошла извѣстная катастрофа: человѣкъ палъ; его паденіе повліяло на жизнь и прочей твари, оказавшейся послѣ этого во власти *суеты*. Богъ далъ обѣтованіе первымъ людямъ о спасеніи чрезъ *сѣмя* жены. Отсюда получила мѣсто надежда еще въ раю, надежда на спасеніе искупительными заслугами Іисуса Христа. Въ назначенное предвѣчнымъ Совѣтомъ время явился Спаситель, возстановилъ и возродилъ падшую человѣческую природу, далъ ей средства къ осуществленію ею предназначенной при твореніи ея цѣли... У человѣка прежняя, еще райская, надежда укрѣпилась гораздо сильнѣе; заслуги Христа-Спасителя возвели ее на степень увѣренности, вполне равносильной сознанію уже обладанія желаемымъ предметомъ. Человѣкъ — христіанинъ уже вполне увѣренъ, что назначеніе его будетъ имъ осуществлено нормально. Сама тварь получила такого же рода надежду. При такой увѣренности всѣ жизненныя невзгоды и неудачи, внѣшнее счастье и несчастье для вѣрующаго и надѣющагося христіанина — уже нѣчто неважное, мало существенное. Онъ спокойно относится ко всему въ такомъ родѣ, постоянно созерцая своими мысленными очами конечный пунктъ своихъ чаяній и стремленій... Такова — сущность и таковъ — смыслъ христіанской надежды. Всѣ эти мысли и соображенія находятъ прекраснѣйшую иллюстрацію въ Словѣ Божіемъ. По-

слѣднее проводить параллель между Адамомъ и Христомъ, указывая, что Адамъ служить источникомъ смерти для происшедшихъ отъ него потомковъ, а Іисусъ Христосъ—источникомъ жизни для всего человѣчества (1 Кор. XV, 22). Надежда на этотъ Источникъ и спасаетъ насъ, по слову св. ап. Павла (Римл. VIII, 24). Даже и сама *тварь*, говоритъ онъ же, *съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ* (—19) ¹⁾. Субъектомъ надежды, по Слову Божію, слѣдовательно, является весь міръ. Объектами, съ какими имѣть дѣло надежда христіанина, служатъ: прежде всего и главнѣйшимъ образомъ вѣчное его спасеніе и блаженство въ загробной жизни, а затѣмъ въ нѣкоторой относительной степени и тѣ посредствующія начала, какія способствуютъ человѣку къ достиженію его конечной цѣли. Этими началами должны быть признаны и такъ называемыя еще у языческихъ философовъ *bona externa*—внѣшнія блага, т. е., здоровье, матеріальныя жизненныя условія и проч. Сами по себѣ эти *bona externa*, конечно, въ глазахъ христіанина особаго значенія и особой цѣны не могутъ имѣть, но имѣютъ то и другую лишь въ отмѣченномъ смыслѣ. Христіанинъ надѣется, что воплотившійся и пострадавшій ради его спасенія Господь, давшій ему Свою спасительную благодать, конечно, благоустроить и его внѣшнюю жизнь на землѣ, поскольку это послѣднее необходимо для достиженія имъ—человѣкомъ—спасенія. *Совершенно уповайте на подаваемую вамъ благодать въ явленіи Іисуса Христа* (1 Петр. I, 13) ²⁾. Будьте *утверены въ томъ, что начавшій въ васъ доброе дѣло будетъ совершать его даже до дня Іисуса Христа* (Филипп. I, 6) ³⁾. Это обстоятельство, т. е., что Спаситель не оставляетъ надѣющихся на Его спасительную помощь христіанъ, отмѣчается Словомъ Божіимъ многократно. Слово Божіе настойчиво говоритъ, съ одной стороны, что Господь, по Его Собственному утвержденію, пребудетъ вмѣстѣ со Своими послѣдователями *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. XXVIII, 20) ⁴⁾,

¹⁾ *Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ...* Ср. Римл. VIII, 23, *Ibid.* V, 5.

²⁾ *...совершенно уповайте на приносимую вами благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ...*

³⁾ *Надѣяся на сіе истое, яко начный дѣло благо въ васъ совершитъ е, даже до дне Іисусъ Христова.*

⁴⁾ *...се Азъ съ вами естъ во вся дни до скончанія вѣка...*

а съ другой, что, пребывая съ христіанами, Онъ содѣйствуетъ имъ во всемъ, при томъ, въ степени, не только желательной для насъ самихъ, но даже гораздо бѣльшей этой (Ефес. III, 20). Свойства Божіи, указываемыя Священнымъ Писаніемъ, вполнѣ оправдываютъ надежду на это христіанъ. Богъ всемогущъ: у Него *не останется безсильнымъ никакое слово* (Лук. I, 37) ¹⁾; Онъ, при этомъ, всегда *въренъ* Своимъ обѣтованіямъ: *будемъ держаться исповѣданія упованія неуклонно; ибо въренъ общавшій* (Евр. X, 23) ²⁾. Между этимъ *Общавшимъ* и человѣкомъ—противоположность: если *Богъ—въренъ*, то *всякій человѣкъ*, наоборотъ, *лживъ* (Римл. III, 4) ³⁾. Вѣрность Божія не исчезаетъ даже и въ томъ случаѣ, когда она сталкивается съ человѣческою невѣрностью, — не исчезаетъ потому, что *Себя отречься Богъ не можетъ* (2 Тим. II, 13) ⁴⁾... Всемогущество и неизмѣняемая вѣрность Бога Своимъ обѣтованіямъ — вполнѣ достаточное для надѣющагося христіанина ручательство въ данномъ случаѣ. Такая надежда естественно можетъ быть достояніемъ только однихъ христіанъ. У язычниковъ ей нѣтъ мѣста. Не говоримъ уже о языческой массѣ, представленія которой о будущей нашей жизни были вообще крайне неясны и темны, сбивчивы, — даже въ сознаніи лучшихъ выразителей древнихъ философскихъ идей дѣло обстояло въ общемъ не болѣе ясно. Сократъ, мнѣніе котораго раздѣлялось Платономъ, предъ своею смертію утѣшаетъ своихъ учениковъ такого рода соображеніями: если смерть — всецѣлое уничтоженіе человѣческаго бытія, то она — благо, какъ безусловный покой, ничѣмъ не смущаемый; если же смерть — переходъ къ новой жизни, то это для людей благочестивыхъ — также благо, потому что они будутъ жить въ сообществѣ съ богами, сообществѣ, конечно, весьма желательномъ для всякаго... Какъ видимъ отсюда, нѣчто въ родѣ какой то надежды было присуще и Сократу, но это нѣчто было темно, крайне неопредѣленно, и его слова собственно мало могли влить утѣшенія въ сознаніе его слушателей, для которыхъ требовалось что-либо болѣе убѣдительное, нежели «если» и пр. Положеніе дѣла въ язычествѣ кратко, но мѣтко характеризуется

¹⁾ *не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ.*

²⁾ *Да держимъ исповѣданіе упованія неуклонное: въренъ бо есть общавшій...*

³⁾ *Богъ истиненъ, всякъ же чинъ лжъ...*

⁴⁾ *Аще не отречемъ, Онъ въренъ пребываетъ: отрещися бо Себе не можетъ...*

св. ап. Павломъ въ 1 Сол. IV, 13: *не хочу, говорить онъ, оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не скорбѣли, какъ прочіе, не имѣющіе надежды* ¹⁾. Подъ прочими св. апостолъ, очевидно, разумѣетъ всю ту часть челоуѣчества, которая не была просвѣщена свѣтомъ христіанской истины. Эти *прочіе*, по его словамъ, всѣ безъ исключеній *не имѣютъ надежды*, т. е., параллельной христіанской. — Спрашивается теперь: въ чемъ же, въ частности, проявляется христіанская надежда, какая именно *добродѣтель*? Достаточно ли, чтобъ христіанинъ только теоретически и лишь просто только надѣялся, или здѣсь необходимо также и нѣчто аналогичное съ вѣроу, *способствующему дѣлами*? Безусловно необходимо именно послѣднее. Прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе положеній, занимаемыхъ каждымъ изъ насъ въ ряду другихъ: одинъ богатъ, другой бѣденъ, одному внѣшнія условія жизни благопріятствуютъ, другому наоборотъ... При подобныхъ обстоятельствахъ не всѣ изъ насъ спокойно относятся къ своему положенію, — спокойно въ томъ, т. е., смыслѣ, что не ропщутъ на свою участь, на свой жребій. Забывая, что такой или иной нашъ жребій обусловливается не только нашими личными усиліями, но прежде всего волею Божіею, мы, при безсиліи измѣнить его, всячески проявляемъ свое неудовольствіе и т. д. Слово Божіе, имѣя въ виду указанныя и подобныя имъ обстоятельства, ясно и опредѣленно намѣчаетъ то настроеніе, какое въ этомъ случаѣ должно проникать собою все наше существо. Оно, т. е., Слово Божіе, совѣтуетъ намъ быть *довольными* даже и тогда, когда въ нашемъ распоряженіи находятся только *пропитаніе и одежда* (1 Тим. VI, 7, 8) ²⁾. Этихъ внѣшнихъ благъ для насъ уже совершенно достаточно; все остальное относится къ области излишняго. Затѣмъ, каждый изъ насъ несетъ на себѣ обязанности, соединенныя съ тѣмъ или инымъ званіемъ. Сплошь и рядомъ приходится замѣчать, что люди одного званія, недовольные этимъ, стремятся оставить его и, какъ принято выражаться, «перейти» въ другое. Но что же получается? Нерѣдко бываетъ (да это въ извѣстной степени, конечно, и

¹⁾ *Не хочу же васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія.*

²⁾ *Ничтоже бо не внесохомъ въ міръ сей: явъ, яко ниже изнести что можемъ. Имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ.*

естественно), что, какъ говорится, «отставшіе отъ одного берега не успѣваютъ пристать къ другому», и жизнь ихъ течетъ не нормально... Конечно, бываютъ и счастливыя исключенія, но они все-таки въ общемъ — исключенія — и только! Между тѣмъ, оставаясь въ своемъ званіи, унаслѣдовавъ обусловливаемые ими качества отъ своихъ предковъ, укрѣпивъ ихъ путемъ воспитанія, какое даютъ ему родители, человекъ, должно думать, дѣйствовалъ бы въ дальнѣйшей своей жизни на болѣе твердой почвѣ и больше принесъ бы истинной (не призрачной, обыкновенно внѣшней лишь) пользы какъ себѣ, такъ и ближнимъ. Это представляется намъ несомнѣннымъ дѣломъ. Отсюда для насъ совершенно понятенъ обращенный къ христіанамъ призывъ св. ап. Павла: *каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ* (1 Кор. VII, 20)¹⁾, — оставайся именно по причинамъ, параллельнымъ съ указанными нами выше. Божественная благодать, по слову Писанія, *многообразна*; каждому дается специфическій *даръ*. Отсюда христіанамъ совѣтуется употреблять каждому свой, т. е., *полученный* имъ, даръ въ пользу ближнихъ (1 Петр. IV, 10, 11)²⁾. При взаимодействіи христіанъ, веденномъ въ только что указанномъ смыслѣ, должны естественно получиться блестящіе плоды. При различныхъ *дарованіяхъ*, при различныхъ степеняхъ *вѣры*, *удѣленной* каждому *Богомъ*, *скромность* должна быть, въ соотвѣтствіе тѣмъ *дарованіямъ*, *мѣръ вѣры*..., обязательнымъ достояніемъ *вѣрующихъ* (Римл. XII, 3—8)³⁾... Къ чему же нами ведется рѣчь обо всемъ этомъ? Для того, чтобы дать одну часть отвѣта на поставленный выше вопросъ: въ чемъ проявляется христіанская надежда, какъ добродѣтель? Если христіанинъ будетъ и словомъ, и дѣломъ свидѣлствовать о довольствѣ наличнымъ его положеніемъ, его жребіемъ въ намѣченномъ нами смыслѣ, то онъ прежде всего этимъ возведетъ свою надежду на степень личной его добродѣ-

¹⁾ *Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ же пребываетъ.*

²⁾ *Кійждо якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добріи строителие различныя благодати Божія: аще кто глаголетъ, яко слова Божія: аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ, да о всемъ славится Богъ...*

³⁾ *Глаголю бо благодатию, дающею мнѣ: всякому сущему въ вѣсѣ не мудрствовать наче, еже подобаетъ мудрствовать въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры. Якоже бо во единомъ тѣлеси мнози уди имами, уди же вси не тожде имутъ дѣланіе... Имуще... дарованія по благодати, данныи намъ, различна...*

тели: надѣясь на Бога, надѣясь, что Господь все устрояетъ только къ лучшему, христіанинъ съ этой именно точки зрѣнія смотритъ на свой жребій. — Но есть еще другая, болѣе рельефная, сторона дѣла. На долю людей, занимающихъ самыя разнообразныя положенія, даже наиболѣе блестящія и наиболѣе завидныя, иногда выпадаютъ также самыя разнообразныя невзгоды, ужаснѣйшія бѣдствія, страданія... Слово Божіе по этому поводу учитъ, что во всякихъ такого рода невзгодахъ и бѣдахъ долженъ быть отыскиваемъ истинный ихъ смыслъ, съ точки зрѣнія котораго затѣмъ и надлежитъ смотрѣть на нихъ. *Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности* (Евр. XII, 11) ¹). Скорби, по слову Писанія, необходимое условіе для полученія возможности *войти въ царствіе Божіе*, притомъ, не просто скорби, но *многія* (Дѣян. XIV, 22) ²). Скорби не даютъ человѣку забыться въ его увлеченіи земнымъ, матеріальнымъ, напоминаютъ ему о непрочности послѣдняго, обращаютъ его умъ къ вѣчному и постоянному; словомъ, служатъ для человѣка въ нѣкоторомъ родѣ истиннымъ благодѣяніемъ. Съ этой именно послѣдней точки зрѣнія Слово Божіе постоянно и высказывается, настойчиво утверждая, что страданія, вообще посылаемыя Богомъ наказанія—признакъ любви Божіей къ данному человѣку: *Господь, кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ* (Евр. XII, 6 ³)... Тоже чит.: Апок. III, 19). Страданія, бѣдствія...—тотъ именно крестъ, къ несенію котораго призываются Спасителемъ всѣ желающіе слѣдовать по Его стопамъ (Мѡ. XVI, 24; X, 38; Мрк. VIII, 34; Лук. IX, 23; XIV, 27). При этомъ Самъ же Онъ и подалъ вѣрующимъ примѣръ: *взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, Который, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебревши посрамленіе, помыслите*,—продолжаетъ свою рѣчь ап. Павелъ,—*о претерпѣвшемъ такое надъ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ неизменно и не ослабѣть ду-*

¹) *Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, не печаль: послѣдн же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздастъ правды.*

²) *...многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.*

³) *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ...*

вами вашими.. (Евр. XII, 2, 3)... ¹⁾... Итакъ, разумное отношеніе къ несчастіямъ, бѣдствіямъ... опирающееся на мысли, что Богъ, посылаетъ ихъ намъ для нашего же блага, терпѣливое и спокойное ихъ перенесеніе въ виду того конечнаго пункта, къ которому такое наше поведеніе имѣетъ привести насъ...,—все это, въ свою очередь, также возводитъ нашу надежду на степень именно добродѣтели. Вотъ—о какомъ терпѣніи часто и говоритъ Слово Божіе, проповѣдуя: *когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи* (Рим. VIII, 25) ²⁾,—увѣщевая насъ *спасать свои души терпѣніемъ* (Лук. XXI, 19) ³⁾ и обѣщая *претерпѣвшему до конца* именно *спасеніе* (Мѡ. XXIV, 13) ⁴⁾.—Такова сущность надежды, какъ христіанской добродѣтели.

Во всѣ времена, а особенно въ послѣднее—на западѣ раздаются не всегда единичные лишь только голоса, отсылающіе слушателей къ стоицизму, какъ яко бы источнику, дававшему, между прочимъ, начало и *терпѣливому* перенесенію страданій, свойственному христіанской надеждѣ, и указывающіе въ подтвержденіе своихъ словъ на типъ стоическаго мудреца. Этотъ послѣдній, говорятъ тѣ голоса, равнодушно относится ко всякимъ внѣшнимъ случайностямъ, къ несчастіямъ и страданіямъ, а равно и къ счастью..., словомъ, ставитъ себя выше обставляющихъ его внѣшнихъ условій; онъ—*ἀπαθής*, т. е., *безстрастенъ*. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли христіанское терпѣніе, проявляющееся въ вышеотмѣченномъ отношеніи христіанина къ страданіямъ, простой снимокъ со стоическаго? Ближайшее проникновеніе въ дѣло заставляетъ насъ дать отрицательный отвѣтъ на вопросъ. Въ основѣ христіанскаго терпѣнія лежитъ, какъ мы видѣли, твердая надежда на то, что Богъ путемъ страданій ведетъ человѣка ко спасенію. Сознавая это, христіанинъ переноситъ выпадающія на его долю невзгоды спокойно, съ полнымъ смиреніемъ, а гдѣ это въ его власти, то и съ полною и рѣшительною готовностью, по своей личной волѣ. Все это является тѣмъ болѣе цѣннымъ

¹⁾ *Взирающе на начальника вѣры и совершителя Иисуса, 'Иже вмѣсто предлагающія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сидѣ. Помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшниковъ на Себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляеми...*

²⁾ *Аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ...*

³⁾ *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.*

⁴⁾ *Претерпѣвый же до конца, той спасется.*

подвигомъ христіанина, что жизнь въ его глазахъ—одно изъ величайшихъ благъ, какими Богъ одарилъ человѣка, и т. д. Между тѣмъ въ основѣ стоическаго отношенія къ тѣмъ же страданіямъ лежитъ совсѣмъ другое. Εἰς ἀρμόνη=fatum=рокъ, «безусловно опредѣляющій всѣ единичныя вещи и ихъ движенія»... ¹⁾, не оставляетъ мѣста для личныхъ волевыхъ проявленій человѣка. Здѣсь уже рѣчь не о полной или вообще какой-либо готовности человѣка къ претерпѣнію невзгодъ, а о перенесеніи всецѣло невольномъ, противъ котораго человѣкъ безусловно безсиленъ... При томъ, страдая, стоикъ не видитъ впереди у себя ничего отраднаго, надежда на что могла бы влить въ его *Я* какое-либо утѣшеніе. Да и самая жизнь въ глазахъ стоика не является какимъ-либо благомъ. Отсюда ведетъ начало презрительный на нее взглядъ. Самоубійство одного виднаго стоика, вызванное самой ничтожной причиной: (онъ упалъ и сломалъ себѣ палецъ, что привело этого философа къ столь великому презрѣнію имъ жизни въ столь хрупкомъ тѣлѣ, что онъ счелъ за лучшее наложить на себя руки), достаточно поясняетъ дѣло. Если же стоикъ и терпитъ страданія, не прибѣгая къ самоубійству, то вмѣсто смиренія, проникающаго собою терпѣливое перенесеніе страданій христіаниномъ, выступаетъ на сцену кичливость, самомнѣніе...—Вотъ эти существенные моменты настолько далеко отодвигаютъ стоическое терпѣніе отъ христіанскаго, какъ одухотворяемаго совершенно иными началами, что болѣе частныя разсужденія о томъ же предметѣ были бы по меньшей мѣрѣ излишни и бесполезны...

Когда рѣчь шла о *στυγν*, какъ христіанской добродѣтели, намъ, между прочимъ, пришлось отмѣчать явленія, свидѣтельствующія, съ одной стороны, о недостаткѣ ея, а съ другой, объ ея въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы излишкѣ. Тоже приходится дѣлать и въ настоящемъ случаѣ.—Явленіемъ, свидѣтельствующимъ о крайнемъ недостаткѣ элемента надежды, служитъ такъ называемое *отчаяніе*. Оно характеризуетъ союю такое внутреннее состояніе человѣка, когда этотъ, впадъ въ тяжкій грѣхъ или вообще въ тяжкіе грѣхи, или подвергшись давленію со стороны бѣдствій, несчастій, столь обычныхъ въ настоящей жизни, не видитъ для себя въ будущемъ никакого исхода, не надѣется даже и на божественную по-

¹⁾ «Истор. древн. философіи» Виндельбанда (Спб. 1893); стр. 264.

мощь и обыкновенно разрѣшаетъ такое свое состояніе посредствомъ самоубійства. Въ нашъ извѣрившійся вѣкъ число такого рода людей поразительно. Чуть не ежедневно о нихъ докладываютъ наши столичные газеты, имѣющія у себя въ виду лишь только мѣстное (петербургское) населеніе. Тяжелыя внѣшнія условія жизни, преимущественно заявляющія о себѣ въ такихъ густо-населенныхъ центрахъ, каковымъ является столица, гдѣ особенно осязательно даетъ себя чувствовать борьба за существованіе, толкають человѣка, не имѣющаго подъ собой надежной опоры, на путь отчаянія и... самоубійства. У нѣкоторыхъ же людей элементъ надежды есть, но въ слабой сравнительно степени. Если этотъ элементъ и не позволяетъ имъ впадать въ отчаяніе, то за то онъ не даетъ имъ силы и бороться съ тѣмъ, что выпадаетъ на ихъ долю въ извѣстный моментъ ихъ жизни. Въ качествѣ примѣра, прекрасно иллюстрирующаго данное состояніе человѣка, моралисты обыкновенно приводятъ разсказъ изъ Матѣ. VIII, 23 — 27, Во время морского волненія, покрывавшаго лодку волнами, Іисусъ Христосъ спалъ. Ученики, объятые духомъ маловѣрія, испугались, разбудили Господа и умоляли Его спасти ихъ. Господь успокоилъ море, но упрекнулъ учениковъ за боязливость, за маловѣріе, проявленныя ими.. Апостолы въ настоящемъ случаѣ обнаружили недостатокъ своей надежды на помощь со стороны находившагося вмѣстѣ съ ними Господа Бога. Положимъ, такое состояніе было удѣломъ ихъ лишь только временно, но оно было, хотя нѣсколько и оправдываемое тѣми опасными обстоятельствами, въ какихъ св. апостолы тогда находились. Истинный и твердо надѣющійся на Бога христіанинъ *не отчаивается*, въ какихъ бы *отчаянныхъ обстоятельствахъ* онъ ни находился (2 Кор. IV, 8) ¹⁾, *въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣснотѣ...* (— VI, 4) ²⁾. — Въ общемъ должный элементъ надежды присущъ христіанамъ, подобнымъ тѣмъ, которые спрашивали у Господа: *не въ сіе ли время возстановляешь Ты царство Израилю* (Дѣян. I, 6) ³⁾? Нежелательная сторона дѣла здѣсь заключается въ томъ только, что обладающій такою христіанскою на-

¹⁾ ...во всемъ скорбяще, но не стужаще си: не чаеми, но отчаиваеми...

²⁾ ...во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги: въ терпѣніи мнози, въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ...

³⁾ ...аше въ лто сіе устроиши царствіе Израилево?

деждою человѣкъ хочетъ, чтобы послѣдняя осуществилась какъ можно скорѣе; онъ не согласенъ ни на какія промедленія; ему ни въ какомъ случаѣ не хочется ждать... Между тѣмъ отъ насъ требуется только то, чтобы мы имѣли надежду на Господа, на исполненіе Имъ всего обѣщаннаго, надежду крѣпкую... Но когда именно наступитъ время исполненія Его обѣтованій, — дѣло не наше, какъ сказалъ Самъ же Господь (— 7) ¹⁾. Но есть люди, слишкомъ широко раздвигающіе рамки, въ которыхъ замыкается содержаніе надежды. Эти люди — двухъ родовъ. Различаются они соотвѣтственно тому, что лежитъ въ основаніи ихъ надежды. Основаніемъ же въ этомъ случаѣ являются: или самъ же человѣкъ, или окружающіе его люди, или Богъ. Каждый человѣкъ обладаетъ извѣстными силами и способностями, знаніями, матеріальнымъ достаткомъ... Соотвѣтственно этому онъ заранѣе располагаетъ своимъ будущимъ поступаніемъ такъ или иначе, заранѣе намѣчаетъ цѣли, къ которымъ надлежитъ ему стремиться и проч. Если всѣ такіе расчеты, соображенія, ожиданія стоятъ въ полной гармоніи съ указанными ихъ основаніями (т. е., силами, способностями...), при чемъ, кромѣ того, принимаются во вниманіе могущія быть всякія случайности и прочее въ этомъ родѣ, — тогда можно говорить о надеждахъ разумныхъ. При иныхъ условіяхъ, т. е., если отъ указанныхъ основаній ожидаютъ большихъ, чѣмъ на какіе они уполномочиваютъ, результатовъ, получаетъ мѣсто такъ называемая самонадѣянность, противъ которой, между прочимъ, возстаетъ св. ап. Павелъ въ своемъ (1-мъ) посл. къ Тимофею, прося его *увѣщевать богатыхъ, чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство неутвержденное, но на Бога...* (VI, 17 ²⁾). Не совѣтуетъ Господь людямъ также и *хвалиться мудростію своею, силою своею...* (Іер. IX, 23) ³⁾, *полагаться на разумъ свой* (Прит. Сол. III, 5) ⁴⁾, и т. д. Вы, повѣствуетъ св. ап. Іаковъ, въ своей излишней самонадѣянности *говорите: сегодня или завтра отправимся въ такой то городъ и про-*

¹⁾ *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти...*

²⁾ *Богатымъ въ нынѣшнемъ оуиѣ запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога...*

³⁾ *Тако глаголетъ Господь: да не хвалится мудрый мудростію своею..., крпкій крпностію своею...*

⁴⁾ *...о твоей премудрости не возносятся...*

живемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль; вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій... (IV, 13, 14). Между тѣмъ, вмѣсто этого вамъ слѣдовало бы говорить: если угодно будетъ Господу и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое... (— 15) ¹⁾. Это — разъ. — Затѣмъ, помимо самонадѣянности, можетъ быть (и очень часто бываетъ!) слишкомъ большая надежда на ближнихъ, занимающихъ высокое положеніе или обладающихъ иными качествами, могущими быть полезными для насъ. Такая надежда, конечно, еще болѣе призрачна по своему существу, чѣмъ самонадѣянность: и сами лица, на которыхъ мы здѣсь надѣемся, измѣнчивы во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ и мы, и ихъ отношенія къ намъ, хорошія сегодня, легко могутъ измѣниться подѣ вліяніемъ всевозможныхъ причинъ... Потому то Слово Божіе и совѣтуетъ намъ *не надѣяться на князей, на сына человѣческаго, въ которомъ нѣтъ спасенія, такъ какъ выходитъ духъ его, и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день исчезаютъ всѣ помышленія его... (Псал. 145; ст. 3, 4) ²⁾*. Это — два. Наконецъ, основаніемъ надежды, понимаемой въ болѣе широкомъ, чѣмъ слѣдуетъ, смыслѣ, является Богъ; но, въ отличіе отъ благо-разумно надѣющагося на Бога, человѣкъ, обладающій разсма-триваемою въ настоящемъ случаѣ надеждою, полагаетъ, что Богъ окажетъ ему Свою помощь и содѣйствіе даже и въ его нравственно-дурныхъ начинаніяхъ и стремленіяхъ. По-этому-то св. ап. Іаковъ и говоритъ читателямъ: *просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для вашихъ вожделѣній (Іак. IV, 3) ³⁾*. Нрав-ственное Я подобнаго человѣка имѣетъ въ высшей степени

¹⁾ *Слышите нынѣ глаголющій: днесь или утрѣ пойдемъ во онъ градъ и со-творимъ ту лѣто едино, и куплю днѣмъ, и приобрѣтеніе: иже не вѣсте, что утрѣ случится. Кая бо жизнь ваша? Пара бо есть, яже вмаля является, потомъ же исчезаетъ. Вмѣсто еже бы глаголати вамъ: аще Господь восхо-щетъ, и живи будемъ, и сотвориша сіе или оно... — Сравни. Притч. Солом. XXVIII, 26.*

²⁾ *Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣтъ спасе-нія. Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его.*

³⁾ *Просите, и не пріемлете, занѣ злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивите...*

печальный видъ. Имѣть представленіе о Богѣ, какъ Помощникъ въ подобнаго рода вещахъ, свойственно или нравственно-испорченному, или нравственно-слѣпому. Другіе изъ такого рода людей въ такой непозволительной мѣрѣ надѣются на Бога, что Ему *только* предоставляютъ заботиться и объ ихъ внѣшнемъ благополучіи, и объ ихъ здоровьи, и проч., сами же лично ни мало о томъ не думая, даже рискованно поступаая на каждомъ шагѣ: Богъ, разсуждаютъ они, не дастъ имъ погибнуть... Есть прекрасная русская пословица, забываемая этими людьми, гласящая: «на Бога надѣйся, но и самъ не плошай!» Что же касается Слова Божія, то оно даетъ намъ въ настоящемъ случаѣ назидательнѣйшій примѣръ. Когда искушавшій Господа діаволь, между прочимъ, говорилъ Ему: *если Ты — Сынъ Божій, бросься внизъ; ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею*, — Іисусъ Христосъ отвѣтилъ: *написано также: не искушай Господа Бога твоего* (Матѣ. IV, 6, 7) ¹⁾. Совѣтуется и разсматриваемымъ нами людямъ также не искушать Бога ожиданіемъ отъ Него всякихъ благъ безъ того, чтобъ самимъ сколько-нибудь потрудиться въ дѣлѣ снисканія ихъ, или безъ того, чтобъ сколько-нибудь позаботиться о предотвращеніи грозящихъ имъ обстоятельствъ.

III.

Мы отмѣтили сущность добродѣтелей: вѣры и надежды. Строго говоря, отдѣлять ихъ — одну отъ другой болѣе или менѣе осязательно невозможно: вѣрующій въ Бога, но не надѣющійся на Него, равно какъ надѣющійся на Него и не вѣрующій въ Него — немислимы. Обособленіе этихъ добродѣтелей возможно, но только въ условномъ и относительномъ смыслѣ. Въ этомъ же, конечно, смыслѣ возможно говорить и объ отдѣленіи отъ тѣхъ добродѣтелей добродѣтели любви, всецѣло проникающей ихъ собою и обуславливающей... Сущность добродѣтели любви чловѣка къ Богу можно пояснить путемъ сопоставленія съ нею любви дѣтей къ ихъ родителямъ. Получивъ отъ своихъ родителей свое плотское бытіе, затѣмъ окружаемая ихъ постоянными заботами, простираю-

¹⁾ ...не искушиши Господа Бога твоего... (7-й ст.).

щимися и на физическое, и на умственное, и на нравственно-религіозное ихъ воспитаніе, дѣти сознають, что всѣмъ обязаны отцу и матери и, въ благодарность къ нимъ за все это, питають чувство искренней и глубокой любви: предупреждаютъ ихъ желанія, исполняютъ всѣ ихъ просьбы, въ свою очередь, окружая ихъ нѣжнѣйшими заботами и т. д. и т. д. Такого рода любовь дѣтей къ родителямъ—дѣло вполне естественное. Иныя же отношенія первыхъ къ послѣднимъ считаются уже ненормальными. Вполнѣ аналогично слѣдуетъ смотрѣть и на любовь человѣка къ Богу. Ему человѣкъ обязанъ всѣмъ: Богъ - и Творецъ, и Промыслитель, и Спаситель человѣка. Онъ сдѣлалъ для насъ безконечно болѣе, чѣмъ—наши родители. Если въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ мы питаемъ внутреннѣйшую, сердечную, благодарную любовь, проявляя ее самымъ разнообразнымъ способомъ, то тѣмъ болѣе такую же любовь и даже несравненно болѣеую мы должны питать къ своему небесному Отцу — Богу. Сопоставимъ *оба* вида любви нѣсколько частіе. Дѣти, благодарныя своимъ родителямъ, проявляютъ въ отношеніи къ нимъ послушаніе, обнаруживаемое ими всячески и при всякомъ удобномъ случаѣ. Искренно любя своихъ родителей, они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ честное имя послѣднихъ не было кѣмъ-либо унижаемо или злословимо. Злословящихъ же они привлекають къ отвѣтственности и т. д. Необходимымъ элементомъ дѣтской любви въ то же время является и страхъ, какой они чувствуютъ въ отношеніи къ своимъ родителямъ. Другими словами: дѣти боятся какимъ-либо своимъ поступкомъ заслужить нерасположеніе своихъ родителей. Впрочемъ, съ теченіемъ времени дѣти въ такой степени все сознательнѣе и сознательнѣе проникаются духомъ любви къ родителямъ, что о какой-либо возможности ихъ поступанія вопреки волѣ и намѣреніямъ ихъ родителей говорить уже не приходится, такъ что чувство страха, отмѣченное выше, уже теряетъ мѣсто, занимаемое отнынѣ все шире и шире раздвигающеюся любовію... Во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, разумѣемъ только истинно-любящихъ отца и мать дѣтей. О другихъ дѣтяхъ не говоримъ. Въ концѣ концовъ изъ сознанія дѣтей, любящихъ своихъ родителей, представленіе о послѣднихъ не выходитъ почти ни на минуту: такія дѣти постоянно думаютъ о своихъ родителяхъ, объ ихъ благополучіи... Принужденныя жить въ разлукѣ съ послѣдними—они окружають себя предметами, которые (какъ напр.,

фотографическія карточки и проч.) постоянно напоминали бы имъ о тѣхъ и т. д. Все это — общеизвѣстныя и общепонятныя явленія... Сказанное объ отношеніяхъ дѣтей къ любимымъ ими родителямъ приложимо и къ отношеніямъ человѣка къ его Отцу—Богу. Человѣкъ—христіанинъ, по слову Писанія, долженъ *благодарить Бога за все* (1 Сол. V, 18 ¹); Ефес. V, 20) и *всегда* (Ефес. V, 20) ²) (Кол. III, 17. Филип. IV, 6; 1 Тим. II, 1, 2 и мног. друг.). Какъ въ отношеніи къ своимъ плотскимъ родителямъ человѣкъ обнаруживаетъ свою благодарность не только на однихъ словахъ, но главнымъ и преимущественнымъ образомъ въ самомъ своемъ поступаніи, такъ, конечно, ведетъ себя онъ въ отношеніи и къ Богу: съ одной стороны, проявляетъ свои благодарныя къ Нему чувства въ молитвенныхъ изліяніяхъ, съ другой же, въ благодарность Ему за всякаго рода блага, помогаетъ своимъ ближнимъ и совѣтами, и болѣе существенно, тѣмъ болѣе, что Самъ Господь скажетъ о такихъ христіанахъ: *такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ* (Мѣ. XXV, 40) ³) и т. д. Если мы видѣли, что благодарныя дѣти во всемъ слушаются своихъ родителей, то это же самое должны обнаруживать съ своей стороны и дѣти Христовы, искупленныя Имъ отъ грѣха и его слѣдствій. *Кто любитъ Меня*, говоритъ Господь, *тотъ соблюдетъ слово Мое...* (Іоан. XIV, 23) ⁴). Любовь къ Богу и соблюденіе Его словъ, постановленій, велѣній—два обстоятельства, неотдѣлимые и немислимые одно безъ другого. Эта истина неоднократно и настойчиво утверждается Словомъ Божиимъ (Іоан. XV, 10: *если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего и пребываю въ Его любви* ⁵); 1 Іоан. V, 3: *ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его...* ⁶). При этомъ въ качествѣ осязательнѣйшаго признака, свидѣтельствующаго объ исполненіи человѣкомъ, любящимъ Бога, заповѣдей

¹) О всемъ благодарите...

²) Благодарите всегда о всѣхъ о имени Господа...

³) Понеже сотвористе единому изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе...

⁴) Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ..

⁵) Сія бо есть любви Божія, да заповѣди Его соблюдаемъ...

⁶) Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдаю, и пребываю въ Его любви...

Его, служить, по слову Писанія, любовь человѣка къ своему ближнему (см. 1 Іоан. III, 17; IV, 20...), о чемъ рѣчь у насъ уже была въ своемъ мѣстѣ ¹⁾. Если дѣти, какъ сказано выше, зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы честь, чтобы доброе имя ихъ родителей были внѣ всякихъ подозрѣній съ чьей бы то ни было стороны, оставались неприкосновенными и т. д., то это же должны дѣлать и дѣти Божіи: они всячески должны возвѣщать славу Божию (сравн. Лук. XVII, 18; Іоан. IX, 24 и мног. друг.). Исторія христіанской церкви называетъ великое множество лицъ, самымъ блистательнымъ образомъ показавшихъ, какъ высоко въ ихъ глазахъ стояла слава Божія, ради констатированія которой они, не задумываясь, жертвовали даже своею жизнію. Страхъ, какъ одинъ изъ элементовъ любви дѣтей къ ихъ плотскимъ родителямъ, присущъ и любви человѣка къ Богу. Если человѣкъ всячески остерегается сдѣлать что-либо, могущее вызвать нерасположеніе къ нему его плотскихъ родителей, то тѣмъ болѣе, конечно, такого же рода поступанія держится христіанинъ въ его отношеніяхъ къ Богу. *Служите Господу со страхомъ* (Псал. II, 11) ²⁾, говоритъ великій ветхозавѣтный псалмопѣвецъ. *Будемъ хранить благодать, которою будемъ служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ* (Евр. XII, 28) ³⁾, говоритъ апостоль Христовъ. Долго было бы перечислять библейскія мѣста, высказывающія тождественныя съ только что отмѣченными мысли [см. 1 Петр. I, 17; II, 17; 2 Кор. VII, 1; V, 11; Еф. V, 21; Филипп. II, 12; Дѣян. IX, 31 и мн. др.; Второз. V, 29; VI, 2, 13; X, 12, 20; Псал. CX, 10; Притч. I, 7; VIII, 13; X, 8; XV, 33; XVI, 6; I. Сир. II, 15—17 и т. д. ⁴⁾]. Значеніе рассматриваемаго отношенія человѣка къ Богу—огромной важности: этотъ страхъ, удерживая человѣка отъ всякихъ дурныхъ мыслей, намѣреній и поступковъ, eo ipso направляетъ его на путь совершенно противоположнаго свойства. Впрочемъ, подобно тому, какъ говоря выше о страхѣ дѣтей къ плотскимъ ихъ родителямъ, мы замѣтили, что съ теченіемъ времени этотъ элементъ дѣтской любви постепенно

¹⁾ См. нашу статью: „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человека къ ближнимъ“ („Христ. Чт.“ 1897 г., ноябрь; стр. 251 и др.).

²⁾ *Работайте Господеву со страхомъ...*

³⁾ *...да имамы благодать, юже служимъ благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ.*

⁴⁾ Всѣ эти и подобныя имъ мѣста приведены въ любомъ учебникѣ.

исчезаетъ, точно такъ и здѣсь, т. е., въ вопросѣ о любви человѣка къ Богу, должно быть констатировано нами совершенно аналогичное явленіе. *Въ совершенной любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершененъ въ любви* (1 Іоан. IV, 18) ¹⁾. По слову св. апостола, элементъ *мученія*, присущій любви, поскольку ей, въ свою очередь, присущъ элементъ страха, говорить о несовершенствѣ ея: страхъ, опасеніе—совершить что либо нравственно-дурное является началомъ, мучающимъ человѣка и потому лишаящимъ его совершеннаго спокойствія, безъ котораго совершенная любовь прямо немыслима. Привязанный къ плотскимъ родителямъ, какъ мы видѣли уже, постоянно сохраняетъ въ своемъ сознаніи образъ ихъ, что, конечно, вполне естественно: что бы мы ни любили, это послѣднее всегда занимаетъ первенствующее положеніе въ нашемъ *Я*. Любящій Бога, въ свою очередь, постоянно помнить о Немъ, постоянно такъ или иначе выражаетъ это свое настроеніе и во-внѣ, укрѣпляетъ его всякими способами и т. д., словомъ, въ каждый моментъ времени чувствуетъ свое единеніе съ Богомъ и, что бы ни предстояло ему совершить, рассматриваетъ это съ точки зрѣнія такого единенія... (сравн., напр., Псал. I, 2: *въ законѣ Господа воля его, и о законѣ Его размышляетъ онъ*, т. е., *блаженъ мужъ, день и ночь* ²⁾; см. совершенно параллельныя мѣста: I. Сир. VI, 37; 1 Сол. V, 17 и друг.). — Сопоставленіе любви человѣка-христіанина къ Богу съ любовью дѣтей къ ихъ плотскимъ родителямъ выясняетъ сущность первой и наглядно, и вполне достаточно. Съ точки зрѣнія этого сопоставленія становится вполне понятнымъ повелѣніе Господне: *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ* (Мф. XXII, 37) ³⁾, т. е., иначе сказать, всѣми силами своего существа, въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣло уже выяснено нами. Закончимъ свою рѣчь о смыслѣ любви человѣка къ Богу все тѣмъ же сопоставленіемъ ея съ любовію дѣтей къ плотскимъ родителямъ.

¹⁾ *Страхъ нѣтъ въ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ: яко страхъ муку имать: бояйся же не совершился въ любви.*—Ср Римл. VIII, 15, 2 Тим. I, 7.

²⁾ *Въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и ночь...*

³⁾ *Возлюбихи Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всею мыслию твоею.*—Сравн. Псал. XII, 2. 3.

Дѣти, любя своихъ родителей, во имя этой любви, любятъ и все то, что такъ или иначе напоминаетъ имъ о первыхъ. Христіане, любя Бога, во имя этой любви, любятъ также все то, что такъ или иначе напоминаетъ имъ о Немъ, т. е., и своихъ ближнихъ, какъ образъ Божій, какъ нѣчто такое, гдѣ извѣстнымъ образомъ отразились Божіи свойства, и ангеловъ Божіихъ — какъ въ еще большей степени отражающихъ въ себѣ тѣ же, т. е., божескія, свойства, — и даже неразумную тварь, поскольку въ ней имѣетъ мѣсто то же отраженіе. И въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, конечно, нѣтъ ничего дурного: дѣти съ благоговѣніемъ хранятъ вещи своихъ родителей, даже самыя незначительныя, не потому, конечно, что они любятъ эти вещи сами по себѣ, но исключительно и единственно потому, что онѣ напоминаютъ имъ объ ихъ дорогихъ родителяхъ, и постольку, поскольку именно напоминаютъ — не больше! Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ дѣлѣ нѣкоторой (относительной) любви человѣка къ безличной твари. — Поднимаемаго моралистами вопроса о *возможности* любви человѣка къ Богу, какъ именно Существу *невидимому*, собственно нечего и касаться серьезно, такъ какъ эта возможность — ясна сама собою и такъ какъ эта невидимость нѣсколько особаго рода. Любятъ же, напр., царя подданные, никогда не видавшіе его лично, но всюду кругомъ себя видящіе плоды его неуспянныхъ заботъ и попеченій о нихъ. О плодахъ же и признакахъ промысленія Божія о насъ и говорить уже нечего. Далѣе, не говоримъ о томъ, что разъ человѣкъ — образъ Божій, уже это одно обстоятельство дѣлаетъ особенности Божіи не совсѣмъ невидимыми для насъ, но скорѣе — въ извѣстномъ смыслѣ осязательными. Повторяемъ: не говоримъ уже о томъ, такъ какъ достаточно напомнить о многихъ случаяхъ Боявленія, отмѣченныхъ писателями библейскихъ книгъ, а особенно о явленіи на землю Бога — Слова и Его жизни во плоти, чтобы возраженія, опирающіяся на отмѣченное обстоятельство (т. е., Божію невидимость), пали сами собою: Богъ невидимъ; это — правда; но Онъ въ достаточной степени открылъ Себя людямъ, такъ что эти имѣютъ вполне ясное о Немъ представленіе, насколько то для нихъ возможно.

Намѣченными пунктами сущность христіанской любви къ Богу выясняется достаточно, такъ что дальнѣйшую рѣчь о томъ же предметѣ считаемъ совершенно излишнею, тѣмъ болѣе, что дѣло выяснится еще съ нѣкоторыхъ сторонъ при ниже-

слѣдующемъ указаніи моментовъ, стоящихъ въ разногласіи съ истиннымъ понятіемъ о данной добродѣтели.

Наблюденіе не только надъ не-христіанами, но и надъ христіанами показываетъ, что охарактеризованная нами любовь человѣка къ Богу *de facto* составляетъ достояніе далеко не всѣхъ. Многіе люди или вовсе не имѣютъ любви, или если имѣютъ, то въ извращенномъ видѣ. Ненормальности въ данномъ случаѣ весьма разнообразны. Намѣтимъ наиболѣе существенныя изъ нихъ. Наиболѣе рѣзкимъ явленіемъ здѣсь должно быть сочтено чувство *ненависти*, питаемое нѣкоторыми людьми въ отношеніи къ Богу. Повидимому, это—невозможное явленіе, но дѣйствительность удостовѣряетъ въ противномъ. Съ ненавистью относились къ Богу — Сыну, напр., іудеи, распявшіе Его и преслѣдовавшіе Его послѣдователей; съ тѣмъ же чувствомъ относились и относятся къ истинному Богу и почти всѣ язычники, не знавшіе Его должнымъ образомъ или не желавшіе знать о Немъ. Все это — факты, конечно, общеизвѣстные, и они даже отчасти понятны. Гораздо менѣе понятны факты, имѣвшіе мѣсто въ христіанской средѣ и по своей яркости не уступающіе имѣвшимъ мѣсто среди іудейства и язычества. Припомнимъ, напр., то, что въ данномъ отношеніи случилось во Франціи сто лѣтъ назадъ. Впрочемъ, и въ наши дни атеизмъ, отмѣченный печатью ненависти къ Богу, — къ стыду человѣчества, — нерѣдко горделиво поднимаетъ свою голову, проявляясь во всевозможныхъ формахъ. Представители его глумятся какъ надъ лицами, любящими Бога и исполняющими Его святая велѣнія, такъ и надъ христіанскими святынями: храмами, иконами и пр., короче: надъ всѣмъ тѣмъ, что въ христіанскомъ обществѣ такъ или иначе говорить о Богѣ. Такіе люди въ нѣкоторомъ смыслѣ превосходятъ даже и самихъ бѣсовъ, которые, по слову Писанія, *втруютъ* въ Бога и *трепещутъ* (Іак. II, 19) ¹⁾ въ виду ожидающаго ихъ наказанія. У современныхъ же намъ богоненавистниковъ нѣтъ часто ни вѣры въ Бога, даже и тѣни ея, ни страха, подобнаго отмѣченному...; считая жизнь безсмысленнымъ явленіемъ, они, какъ безсловесныя животныя, живутъ одною грубою животною жизнію. Это направленіе, къ сожалѣнію, усиливается и не только на западѣ Европы, но даже и у насъ. Нашимъ пастырямъ предстоитъ энергичная

¹⁾ ...*бѣси втруютъ и трепещутъ...*

съ нимъ борьба...; но скоро ли она окончится съ успѣхомъ (столь, конечно, желательнымъ), сказать пока трудно. Эти лица съ богоненавистническимъ направленіемъ имѣлись въ виду еще пророкомъ Давидомъ (Псал. II, 1—3).—Другіе люди, вѣруя въ Бога, моля Его о помощи, получая ее, затѣмъ при счастливыхъ условіяхъ жизни забываютъ о Немъ, проявляя въ отношеніи къ Нему крайнюю *неблагодарность*. За примѣрами ходить не-далеко. Евреи, постоянно получавшіе отъ Бога благодѣянія всякаго рода, постоянно же заявляли себя и неблагодарными къ Нему, за что съ особою настойчивостью и рѣзкостью были упрекаемы пророками: см., напр., Исаи I, 3 и слѣд. Эта черта въ характерѣ еврейскаго народа сдѣлалась затѣмъ какъ бы прирожденною. Припомнимъ евангельское повѣствованіе о 10 прокаженныхъ, исцѣленныхъ Спасителемъ, изъ которыхъ благодарнымъ оказался только одинъ, да и то—самарянинъ (Лук. XVII, 17, 18). Впрочемъ, оставимъ евреевъ въ сторонѣ. Неблагодарныхъ людей, не думающихъ о любви къ Богу, болѣе, чѣмъ достаточно, и въ наше время. Каждый изъ насъ одаренъ такими или иными силами и способностями. Забывая, что все это—даръ Бога, забывая, что результатами, достигнутыми при посредствѣ тѣхъ силъ и дарованій, гордиться, слѣдовательно, нѣтъ достаточныхъ основаній, мы сплошь и рядомъ, вмѣсто того, чтобъ за свои успѣхи всякаго рода благодарить истиннаго ихъ Виновника, приписываемъ ихъ лично себѣ только. Въ наше время это—самое обычное явленіе. Иные, впрочемъ, въ данномъ случаѣ поступаютъ ужъ совсѣмъ нелѣпо. Постоянно приходится слышать выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «ему счастье помогло», «ему судьба благопріятствуетъ» и пр. Все относятъ опять-таки не къ Богу и Его помощи, а къ какому-то счастью, какой-то судьбѣ..., какъ будто бы это—не хрістіане, а язычники въ родѣ стоиковъ и иныхъ, высказывавшихся подобнымъ образомъ. Разсмотрѣнная нами неблагодарность людей къ Богу, какъ мы уже отчасти видѣли, между прочимъ, коренится въ ихъ крайнемъ *самолюбіи*, въ довѣріи ихъ собственнымъ дарованіямъ и силамъ и въ игнорированіи истиннаго источника послѣднихъ. Но самолюбіе это, какъ условіе, непримиримое съ любовью къ Богу, проявляется еще и другими способами. Въ свое время говоря о слѣдствіяхъ прародительскаго грѣхопаденія, мы отмѣтили преобладаніе въ потомкахъ Адамовыхъ эгоизма и чувственности. И тотъ, и

другая были пояснены нами достаточно ¹⁾). Отсюда снова вести рѣчь о томъ же не предстоить уже надобности. Здѣсь мы приведемъ въ параллель только-что сказанному слова св. ап. Іоанна: *все, что въ міръ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1 Іоан. II, 16) ²⁾). Человѣкъ *мірской* любить себя въ томъ именно смыслѣ, что заботится только объ удовлетвореніи требованій одной своей низменной стороны, объ удовольствіяхъ и радостяхъ — только плотскихъ, только чувственныхъ, о томъ, чтобъ его *Я* не попиралось и не унижалось со стороны *Я* другихъ и т. д. Самолюбцу некогда любить Бога, да и нѣтъ къ тому никакого желанія и охоты. Его единственное божество — онъ самъ; его единственное желаніе — угожденіе этому кумиру. Отсюда — *объяденіе, пьянство, житейскія заботы*, отъ которыхъ предостерегалъ Господь Своихъ слушателей (Лук. XXI, 34), составляютъ неотъемлемую принадлежность такого человѣка. Отъ подобнаго самолюбія и, подъ вліяніемъ его, крайняго пристрастія ко всему мірскому, плотскому Слово Божіе отклоняетъ человѣка съ особою настойчивостью: весь міръ на одной сторонѣ и душа на другой не уравниваютъ другъ друга, и владѣніе первымъ не можетъ выкупить погибшей души (ср. Мо. XVI, 26) (сравн. 1 Іоан. II, 15; Іак. IV, 4). Въмѣсто самолюбія человѣкъ, по Слово Божію, долженъ *отвергнуться себя и взять крестъ свой* (Матѣ. XVI, 24) ³⁾, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ возможно его спасеніе. Въ наше время и этотъ моментъ, стоящій въ разладѣ съ представленіемъ о любви къ Богу, господствуетъ въ значительнѣйшей части общества. Теперь всюду только и слышно о матеріальной наживѣ какими бы то ни было путями, хотя бы путемъ потери чести, добраго имени и т. д., лишь бы только устроить человѣку свое вѣдшее благополучіе... Эгоизмъ значительной части нашего общества не знаетъ себѣ границъ. Для удовлетворенія его рѣшаются на все: нерѣдко одно, какъ либо задѣвающее чью нибудь амбицію, слово влечетъ мнимо-оскорбленнаго къ совершенію убійства и т. д. Самолюбіе — чуть

¹⁾ См. нашу статью (въ Христ. Чт. за 1897 г., Окт., стр. 414...): „О пасх. огласит. словѣ св. І. Златоуста“.

²⁾ *...все, еже въ міръ, похоть плотская и похоть очей, и гордость житейская.*

³⁾ *...аще кто хочетъ по Мнѣ ити да отвержется себе и возметъ крестъ свой...*

ли не единственный двигатель въ жизни не только большой части отдѣльныхъ представителей современнаго общества, но и многихъ, многихъ народовъ и государствъ, — при томъ, самолюбіе въ грубомъ смыслѣ слова, а не въ хорошемъ, о чемъ рѣчь уже была въ свое время ¹⁾. — Но идемъ дальше! Есть люди, которые, повидимому, искренно любятъ Бога, что и стараются доказать своимъ поведеніемъ: исполняютъ все, что требуется божественными заповѣдями, божественною волею. Но на сторонѣ такихъ лицъ часто оказывается одна лишь внѣшняя дѣйствительность; внутренняя же — всецѣло противъ ихъ *фарисейства*, ихъ *лицемѣрія*, проявляющихся многообразно. При этомъ не всегда такое поступаніе рассчитано на то только, чтобы обмануть глазъ ближняго; иногда оно кажется вполне нормальнымъ даже и самому собственнику его, недостаточно развитому нравственно и потому придерживающемуся послѣдняго. О малоцѣнности, точнѣе: полнѣйшей безцѣнности такого проявленія любви къ Богу и говорить уже нѣтъ надобности (сравн. Матѣ. XXIII и проч.) — Нѣсколько выше (въ сравнительномъ, конечно, только смыслѣ) такихъ фарисеевъ и лицемѣровъ стоятъ лица, совершающія все, что требуется любовью къ Богу, но не по искреннему влеченію къ тому, а единственно *изъ-за боязни* тѣхъ мукъ, какія ожидаютъ грѣшниковъ въ будущей жизни. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ предшествующемъ, конечно, прекрасною иллюстраціею дѣла являлось бы извѣстное намъ изъ библейскихъ книгъ поступаніе евреевъ, но напоминать о немъ, пожалуй, нѣтъ особой надобности въ виду того, что и современная наша жизнь болѣе, чѣмъ богата примѣрами въ желательномъ родѣ. — Наконецъ, встрѣчались прежде, встрѣчаются и во всякое вообще время лица, преданныя Богу искренно, искренно любящія Его, *имющія ревность по Богу, но не по разсужденію* (Римл. X, 2) ²⁾. Вся «суть» и заключается въ прибавкѣ: *не по разсужденію*. Человѣкъ, имѣющій *ревность по Богу по разсужденію*, обыкновенно поступаетъ такъ. Если онъ видитъ, что окружающіе его люди не всѣ или не всегда проявляютъ любовь къ Богу, не всѣ даже вѣруютъ въ Него и т. д., то онъ не устремляется на нихъ тотчасъ же необдуманно и не

¹⁾ См. нашу статью: „Христіанское самолюбіе“ (Христ. Чт. 1897 г., авг.—сент.).

²⁾ ... *ревность Божію имутъ, но не по разуму...*

пытается обратить ихъ на истинный путь при помощи града укоризнъ или какихъ либо насилій. Зная, что такимъ путемъ можно испортить дѣло окончательно, онъ берется за послѣднее съ осторожностью, изслѣдуетъ условія, при которыхъ оно могло бы быть поставлено на должную почву, и только потомъ уже приступаетъ къ веденію его, разнообразя данный процессъ приспособительно къ лицамъ, времени, мѣсту и т. д. Такіе, исполненные разсудительности, приемы въ большинствѣ случаевъ приводятъ къ желанному результату. Поступающій же *не по разсужденію* идетъ, такъ сказать, на-проломъ, сокрушая, насильственно удаляя съ пути все, противорѣчащее его личнымъ воззрѣніямъ. Онъ — *фанатикъ*. Но фанатизмъ — моментъ, прямо несогласный къ понятіемъ истинной любви человѣка къ Богу. Достаточно всмотрѣться въ тѣ примѣры, какіе предлагаетъ намъ въ этомъ случаѣ исторія, чтобы увидѣть, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ можетъ привести фанатическое — религіозное настроеніе и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ обществъ. Съ такими лицами столкнуться не только трудно, но даже прямо невозможно: слѣпо, безразсудно убѣжденные въ истинности своихъ взглядовъ — они не хотятъ слушать ничьихъ опроверженій, ничьихъ разсужденій. Въ наше время, время крайней, такъ сказать, развинченности нервовъ и, пожалуй, даже умовъ, число фанатиковъ во всѣхъ областяхъ растетъ не по днямъ, а какъ бы по часамъ...

Нами намѣчены существенныя стороны, характеризующія собою три богословскихъ добродѣтели: вѣру, надежду и любовь какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной ихъ сторонъ. Если припомнимъ эти стороны, то увидимъ, что онѣ указываютъ собою на обнаруженія и внутренней, и внѣшней жизни человѣка — христіанина. При этомъ, невозможно указать ни одного движенія человѣческаго *Я*, которое такъ или иначе не говорило бы объ извѣстныхъ отношеніяхъ этого *Я* къ Богу — прямыхъ или косвенныхъ, положительныхъ или отрицательныхъ. Вѣра, надежда и любовь проникаютъ собою всю жизнь христіанина. Нельзя найти въ послѣдней ни одного момента, гдѣ не было бы мѣста какой-либо изъ этихъ добродѣтелей. Выше мы говорили, что вѣра и надежда, равно и любовь, если и разсматриваются нами обособленно, то лишь въ относительномъ и условномъ смыслѣ — не больше. Здѣсь мы отмѣтимъ тоже положеніе съ особенною настойчивостью: гдѣ есть любовь къ Богу, тамъ, конечно, есть и вѣра и на-

дежда (безъ вѣры или надежды мыслимо ли говорить о какой либо любви, понимаемой въ должномъ смыслѣ слова?!); гдѣ есть вѣра, тамъ непремѣнно есть и надежда; а если мы кому либо вѣримъ и надѣемся на него, то непремѣнно и любимъ его: самая вѣра и самая надежда уже говорятъ о любви; гдѣ есть надежда, тамъ есть и вѣра, такъ какъ безъ вѣры надежда немислима и т. д. Словомъ, тѣсная, неразрывная связь богословскихъ, добродѣтелей между собою не подлежитъ никакому сомнѣнію. Эти добродѣтели занимаютъ доминирующее положеніе въ духовной жизни человѣка, и гдѣ онѣ на лицо, тамъ нормальны отношенія человѣка и къ себѣ ¹⁾ и къ ближнимъ ²⁾ и къ неразумному міру ³⁾, о которыхъ у насъ и была въ свое время рѣчь въ нашихъ статьяхъ.

А. Бронзовъ.

¹⁾ См. нашу статью: „Христіанское самолюбіе“ („Хр. Чт.“ 1897 г., авг. и сент.).

²⁾ См. нашу статью: „Сущность Христ. ученія объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ“ (тамъ же, ноябрь и декабрь).

³⁾ См. нашу статью: „Отношенія между человѣкомъ и животными“ „Христ. Чтеніе“ 1895 г. іюль—августъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки